

ОСТРОВ **АКСЕ**НОВ

ВАСИЛИЙ АКСЁНОВ

АВРОРА **ГОРЕЛИКА**

ПЬЕСЫ

Василий Павлович Аксенов Аврора Горелика (сборник)

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=290912
Аврора Горелика: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-27015-6*

Аннотация

Василий Аксенов, всемирно известный романист и культуртрегер, незаслуженно обойден вниманием как драматург и деятель театральной сцены.

В этой книге читатель впервые под одной обложкой найдет наиболее полное собрание пьес Аксенова.

Пьесы не похожи друг на друга: «Всегда в продаже» – притча, которая в свое время определила восхождение театра «Современник». «Четыре темперамента» отразили философские размышления Аксенова о жизни после смерти. А после «Ах, Артур Шопенгауэр» мы вообще увидели Россию частью китайского союза...

Но при всей непохожести друг на друга пьесы Аксенова поют хвалу Женщине как началу всех начал. Вот что говорит об этом сам писатель: «Я вообще-то в большой степени феминист, давно пора, мне кажется, обуздать зарвавшихся мужланов и открыть новый век матриархата наподобие нашего блистательного XVIII».

Содержание

Горе, гора, гореть	4
Действующие лица:	4
Акт первый	5
Антракт	35
Акт второй	36
Аврора Горелика	55
Действующие лица:	55
Акт первый	56
Антракт	81
Акт второй	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Василий Аксенов

Аврора Горелика (сборник)

Горе, гора, гореть *драма в двух актах*

Действующие лица:

ГОРЕЛИК СЛАВА, авантюрист, 30 лет

НАТАША (Какаша) СВЕТЛЯКОВА, секс-рабыня, 23 года

ПОЛ ФЭЙМОС, он же барон Павел Фамус, мэр и президент банка «Дип Чазм», 70 лет

СОФИ, его дочь, 18 лет, член олимпийской команды по лыжам; на выданье

АЛЕКС МАММ, он же Алексей фон Молчалин, управделами банка «Дип Чазм», лыжник-неудачник, 25 лет

ГРАФ ДЖИН ВОРОНЦОВ, «Жека», электрик и владелец магазина «Уорренти оф Фёрст Класс энд Электрик Рипэар»,¹ 40 лет

КНЯЗЬ НИК ОЛАДА, «Колян», водопроводчик и владелец магазинчика «Эврисинг ю нид энд Пламинг»,² 40 лет

ГАБИ НАРД, он же князь Нардин-Нащокин Гавриил, обеспеченный пенсионер, моралист, 65 лет

МАДАМ ЛИДИ, его жена, обеспеченная пенсионерка, сплетница, 42 года

МИМИ КАЙСЫНКАЙСАЦКАЯ-СОММЕРСЕТ, светская дама и всеобщая «грандма-ман», за сто

РЕПОРТЕРЫ, парочка шустрых шакалов пера

ГОЛОС ПОЛКАНА

ФАНТОМ НЕМ

Жители поселка Бёрчтри Вэллн (Березань), лыжники и туристы

¹ От англ. Warranty of First class and Electric Repair – Первоклассные гарантии и ремонт электрики.

² От англ. Everything you need and plumbing – Все, что вам нужно, и водопроводные работы.

Акт первый

Перед началом действия все персонажи появляются перед занавесом, для того чтобы сделать своего рода стихотворные заявки на участие.

Гладким ходом, по-светски, выкатывается престарелый бонвиван Пол Фэймос.
ФЭЙМОС.

Я с детства полюбил овал,
Владыкой стал горы, долины,
Богач, банкир, но фёрст оф олл³
Создатель рифмы удлиненной!

Родная рифма, русских жар,
Ты помогла во время оно,
Когда нас голод рьяно жрал
И запивал слезой соленой.

Отцы – московские тузы,
А мамы – светские эстетки,
Поклонницы *charmante musique*,⁴
Здесь все работали, как тетки.

Теперь я стар, души гроза
Гремит все крепче. Русским ясно:
Мы основали Березань,
Нью-Гемпшира цветущий яшень!

(Отходит в сторону.)

Бурно, словно на трассе скоростного спуска, к занавесу вылетает Софи Фэймос.
СОФИ.

Мне минуло осьмнадцать лет!
Не знает сердце боли,
Когда несусь, как самолет,
Нью-Гемпширским привольем!
Я чемпион олимпиад!
Секунды, не спешите!
И, как поет Эдит Пиаф,
«Любовь мне в ухо дышит»!

(Отходит в сторону.)

Появляется корректный молодой человек, не лишенный, правда, некоторой косолапости, что появляется у лыжников на плоской поверхности, Алекс Мамм.
МАММ.

³ От англ. first of all – прежде всего.

⁴ Прелестной музыки (фр.).

Уймитесь, волнения страсти.
Я щелкаю секундомером.
Поднимем шипучего «Асти
Спуманте»! Нас ждут гондольеры.

Как тренер, а также мужчина,
Я в сердце сижу чемпионки.
Пусть я молчалив, как машина,
Любовь – не резервная шина,
А вечности ласковой чётки.

(Отходит в сторону.)

*Энергично, чтобы не сказать фривольно, на кресле-каталке с привязанным к спинке воздушным шариком, выезжает **Мими Кайсынкаясацкая-Соммерсет.***

МИМИ.

Мне с чем-то сто, и с чем – немало.
Век декадентства миновал.
Вглядись в неровный слой эмали,
Не там ли бродит минотавр?

Что ты, что ты, что ты, что ты?
Я солдат девятой роты,
Тридцать первого полка!
Ламца-дрица-ца-ца!

Мечты о дальних светозарах
Нас уносили на века,
Когда шалили в дортуарах,
Не ведая большевика.

Что ты, что ты, что ты, что ты?
Вот корнет в одних ботфортах
Кавалергардского полка,
Ламца-дрица-ца-ца!

Какие были джентльмены!
Плясали Пат и Паташон!
И проплясали все пельмени,
Лишь гадский вьется запашок.

Что ты, что ты, что ты, что ты?
Я из пятой разведроты
Конницы пролетарьята,
Пасть пахучая разъята.
Здесь не терпят гордеца,
Ламца-дрица-ца-ца!

(Откатывает в сторону.)

*Сдержанно, томно проходит местный электрик граф **Воронцовф.***
ВОРОНЦОВФ.

Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений,
Но русский ток пока еще не смысл
Плевел злокозненных поползновений.

В родной глуши я весь аристократ,
Распространитель качеств и количеств.
Как был среди философов Сократ,
Таков и я по части электричеств.
Включая вечером в квартире свет,
Вы вызываете одно из таинств.
Сей тайны не постиг ни Ист, ни Вест,
Как непостижно то, что вносит аист.

(Отходит в сторону.)

На манер московского пьянчуги-работяги по сцене косолапит местный водопроводчик
*князь **Олада.***
ОЛАДА.

Моя маман, равно и мой папа,
Университетов не кончали.
Вода моя текла, бурля, сопя,
Трубу нащупала упрямая стопа,

Наш княжий дух мне пел виолончелью.
На родине ужасных праотцов
Я увидел своих коллег воочью.
Зачистили мы дюжину концов;
Таков наш брат, Москвы водопроводчик!

От них я научился красоте
И краткости гулаговского сленга.
Сквозь ржавчину вода текла, рассвет
Нас пробуждал, словно детей в пеленках.
Теперь вставай, смири же боль в коленках!
И будет там вода, и твердь, и Божий свет!

(Отходит в сторону.)

*Как пара доберманов, на сцену выскакивает **пара репортеров.***
РЕПОРТЕРЫ.

Воспитанники школ престижа,
Больших амбиций молодежь,
Горбатим тут средь горной стужи
И русский слушаем скулеж.

Такие выпранные рожи!
Тут впрямь становишься Толстым,
Но репортеры скачут с грыжей
И задницу бодрят хлыстом.

(Отходят в сторону.)

*Походкой светского человека, маскирующей порядочную склонность к сплетне, с тросточкой появляется **Габи Найд**.*

НАЙД.

Один стоит под гнетом коромысла,
Другой горазд в перестановке смысла,
Но смешивать два этих ремесла
Есть тьма охотников – я не из их числа.

Свет, как всегда, сквозь сплетни волочится,
А я, как истовый нравоучитель,
В любом злословье, к коему влечете,
Ищу мораль и вот живу в почете.

Как ветеран компании известной,
Я укрепляю стены вам известкой,
И вот наш дом по зимам и по веснам
Нетлен стоит и одобряет сосны.

(Отходит в сторону.)

*В танце, напоминающем то вальс, то танго, на сцене появляется мадам **Лиди**.*

ЛИДИ.

О эти женщины Бальзака,
Мы так тревожно хороши!
Мы не чураемся бальзамов,
В букетах носик наш шуршит.

Мой муж на четверть века старше,
Пенсионер и моралист.
Я вижу, он с гондолы шара
Опровергает плюрализм.

Пенсионеркой стала в сорок,
Но уши слышат каждый лист,
Процеживают слухов ворох,
В которых смысл событий слит.

(Отходит в сторону.)

*Неотразимой мэрилин-монровской походкой появляется наша главная героиня Наталья Ардадьоновна Светлякова, т.и.к. **Какаша**. Читает с грустью.*

КАКАША.

Была я там, где каждый хам хамит,
Где на пол падают вонючие галоши,
Там океан, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

Волна и ветер так творят разбой,
Что паруса все вспучились на флоте,
Хрипит подсунутый к губам гобой,
А мне все помнится игра на флейте.

Прощай, мой принц, грусти иль не грусти,
Какаша я, а вовсе не Елена,
Ты побросай лишь камешки в горсти
И посмотри во глубь воды зеленой.

Быть может, там увидишь свалки битв,
И медный схлест близ мифа, возле Трои.
Что делать мне, раз в доме нету бритв?
Бежать и спрятаться в нью-гемпширском Тироле?

(Отходит в сторону.)

*И наконец, походкой отпетого московского «брателло», что пребывает в резком контрасте с неглупой физиономией, появляется наш главный герой **Слава Горелик**.*

ГОРЕЛИК.

Мой дедушка отменных правил
Марксизму ум свой посвящал,
А внук в ответ смотался в Ревель,
Вернулся с ненавистью к ЩА.

Зверек трехглавый, хвостик гадкий,
Ползет, как тать, скулит шакал.
От ЩА ль удрали без оглядки
Стравинский, Бунин и Шагал?

Красотки все рванули в бегство,
Одна из них – моя жена.
К чужому подалася берегу,
Щавотиной обожжена.

Я стал большим капиталистом
И все ж, как зэк, люблю лапшу.
Услышу ль я твое монисто?
Умру ль иль в звоне попляшу?

Ей двадцать три, а мне уж тридцать,
Но впереди большой роман.
Три пьесы в нем, пиры, и тризны,
И разной прозы бахрама.

(Отходит в сторону.)

Вслед за тем все герои возвращаются к центру, берутся за руки и раскланиваются перед началом действия.

Действо происходит в девяностые годы завершающегося века на горнолыжном курорте в одном из северо-западных штатов США. Аккуратные тропинки в сугробах, вокруг цветущие снега. Разгар сезона, январь. По склонам иногда проскальзывают игрушечные фигурки слаломистов. Вверх по проволокам ползут кабинки. Эти картинки служат постоянным фоном действия, однако в начале спектакля мы ничего этого не видим, потому что царит раннее зимнее утро, вроде не предвещающее лыжной погоды.

Сцена представляет собой крошечную главную улочку поселка Бёрчтри-Вэлли, по-русски Березани. Посредине замерзший фонтан. Сбоку, разумеется, несколько берез в живописной асимметрии. Слева двери и окна банка «Дип Чазм», особняка Пола Фэймоса и лыжного магазина «Уорренти оф Ферст Класс энд Электрик Рипэар». Справа – двери и окна кафе «Анкл Саша», гостиницы «Фэймос Инн» и магазинчика под названием «Эврисинг ю нид энд Пламинг».

Раннее, раннее утро. Солнце только лишь заявило о своем приближении – над горой, которая замыкает нашу панораму, проявилось мутноватое свечение.

Возле фонтана – две окоченевшие фигуры **фотографов**. Два аппарата на триподах нацелены на особняк Пола Фэймоса. Ситуация классическая для XX века: дичь выслежена, охотники ждут, оружие на изготовку.

Несколько минут проходит в молчании, только слышно, как фотографы булькают спасительным виски.

Окно спальни на верхнем этаже бесшумно открывается. В проеме появляется фигура **Алекса Мамма**. Он осторожно оглядывает улицу, но явно не замечает фотографов, принимая их, очевидно, за неживые предметы. Переносит ногу через подоконник.

За его спиной из глубины комнаты появляется обнаженная **Софи Фэймос**, прижимается сзади к Мамму.

СОФИ

Уходишь, солнце мое ночное?

МАММ

Чао. *(Переносит во внешнюю среду свою вторую ногу.)*

СОФИ

Ты совсем забывает, как это бывает русски.

МАММ

Ну, адью.

СОФИ

Вот так-то лучше, солнце мое ночное.

Фотографы включают свой свет и начинают щелкать камерами. Мамм летит вниз. Выскакивает из сугроба.

МАММ

(свистящим шепотом). Мамоёбы-папарацци! Отдавайте пленки! *(Пытается поймать хотя бы одного фотографа, но не тут-то было: те профессионально улепетывают.)*

В разгар этой довольно нелепой погони на сцене появляется **Слава Горелик**. Он явно только что приехал. Но откуда? Определенно не из снежных краев. Во всей его фигуре сквозит какой-то бразильский шик: белые штаны, сандалеты, защитного цвета федора,⁵ свитерок, предназначенный для тропических бризов, но отнюдь не для горных вьюг.

⁵ Вид мягкой шляпы.

Погоня между тем кружит вокруг фонтана. Слава подставляет ногу набегающему Мамму. Тот со всего размаха влетает в сугроб. Фотографы смыываются. Мамм вылезает из сугроба.

МАММ

Ты чё, мэн?

ГОРЕЛИК. Нормалёк. Если двое драпают от одного, значит, надо помогать. Значит, они беззащитны, как бурундуки, ну, по-вашему, «чипманкс».

МАММ

По-нашему тоже бурундуки.

ГОРЕЛИК

Главное, чтобы ты понял логику: человек не должен губить бурундуков.

МАММ

А чё они?

ГОРЕЛИК

Бурундук ведь тоже возник как участник мировой феерии. Ты это понял?

МАММ

Ну.

Завершив диалог в свойственном горцам стиле, Алекс Мамм покидает место действия.

Горелик подходит к дверям гостиницы, смотрит на часы.

ГОРЕЛИК

Гостиница закрыта, но «мест нет» на месте. Неужели это действительно та самая русская пьеса в Америке? Так что мы тут еще имеем в антураже? Кафе «Дядя Саша». Подожду возле кафе. Любопытно, какого дядю Сашу тут имеют в виду – Пушкина или Грибоедова? Так или иначе, в таком городке кафе должно открываться раньше других заведений. *(Подходит к столику на открытой веранде, стряхивает снег со стула, вытаскивает из котомки бутылку шампанского и засовывает ее в снег на столе, чтобы охладилась. Сидит неприужденно, словно на пляже Копакабаны; холод его не берет.)*

(Продолжает.) Хоть это и похоже на происки Стаса Ваксина, все-таки я, кажется, попал туда, куда стремился. Тот самый банк, о котором говорили ребята в Нью-Йорке. Между прочим, а не купить ли мне его со всеми потрохами? Олл райт, посмотрим по обстоятельствам. Да, чуть не забыл, – ведь вчера в Рио тот авторитетный нарисовал мне план этого горнолыжного местечка *(рыщет в карманах, вытаскивает ресторанную салфетку)*. План один к одному, все совпадает, сразу видно, что бабки не пропали – тут поработал профессионал. А вот и имена здешних русских корифеев. Президента банка зовут как-то по-грибоедовски – ну вот, спасибо, это не кто иной, как мистер Пол Фэймос; сразу повеяло классикой, Малым театром, дворянской сатирой. А вот еще два источника нужной мне информации – электрик Джин и водопроводчик Ник, также известные как Жека и Колян. Тут, видно, и в самом деле все слегка на русский лад. Братва в Каракасе, а раньше и братва в Санкте говорили, что здешнее графство иногда называют Уайтраша, иными словами Уай Траш А? – такая тут, видите ли, сложилась Белоруссия с потомками наших благородных семей в главных ролях.

«Ты будь там, Славка, поосторожней, – так говорили в Санкте. – В этом местечке можешь не только на гоголиану, но и на достоевщину нарваться. А самое главное, не вляпайся в грибоедство». Позвольте, но как в русской пьесе избежать классических влияний? С осторожностью тут далеко не уедешь.

Кому же здесь будет предназначена роль Чацкого? Может быть, автоматически мне как приезжему? В таком случае придется разочаровать как труппу, так и зрителей: я не Чацкий, я Слава Горелик. В моей фамилии живут три парки – Горе, Гора, Гореть. Вот именно: как у

Ахматовой, а не как в «Горе от ума». Я не чажу – я горю, уважаемая публика, друзья русского театра.

Однако так или иначе, в моем положении было бы лучше для начала прикрыться какой-нибудь иностранной кликухой. Назваться, скажем, Бенни – от Лифшица, и Менделлем – от Осипа, почему бы нет? Бенни Менделл, звучит вполне лояльно, никому и в голову не придет, что имеет дело с пресловутым «новым русским» Славой Гореликом. *(Вынимает из сугроба шампанское, хлопает пробкой.)* Бенни Менделл, Слава Горелик пьет за тебя! Хорошо пошло! Теперь ты пей за меня. Бенни! Отлично! До конца пьесы ты будешь тут витать вместе со мной, а потом, если захочешь, действуй самостоятельно. Но лучше не надо, лучше держись меня. Кликуху все-таки не раздуешь до полновесной персоны. *(Оглядывает обстановку.)* Ну что ж, пока все идет неплохо. Место назначения достигнуто, впереди неизвестность. Шампанское клокочет хорошо, а не сочинить ли мне стихотворение? Где мой набор рифм, что в самолете надысь набросал? *(Вытаскивает самолетное меню.)* Ага, вот оно. Крузенштерна – крупные зерна или узы терна; взирали – Израиль, это пойдет... *(Углубляется.)*

Пока главный герой таким образом разглагольствует, на сцене появляются еще два персонажа. Поднимает шторы своего лыжного магазина «Уорренти оф» граф Воронцовофф, Джин-Евгений. Из магазинчика «Эврисинг энд Пламинг» высовывает сизый нос Николай князь Олада. Друзья бросаются друг к другу, словно давно не виделись.

ОЛАДА

Джин, это ты, фак твою! Хау зи фак ю дуинг?

ВОРОНЦОВ

Хай, Ник, целый век тебя не видел!

ОЛАДА

Если от двух утра до семи утра проходит вечность...

ВОРОНЦОВ

Иногда проходит несколько вечное – тей, мэн.

ОЛАДА

Я бы на твоём месте не курил эту местную дрянь. Трава должна расти там, где ей предписано матушкой-природой, то есть на юге. Мужики приносят ворохи этого добра со своих секретных делянок в горах, однако неизвестно ведь, чем они ее удобряют. Сэкономишь ерунду, а потерять можешь свой главный ассет.

ВОРОНЦОВ

Мне это не грозит. Мой главный ассет за себя постоит, это известно всем кадрам в долине!

ОЛАДА

У тебя только одно на уме, факинграф.

ВОРОНЦОВ

А у тебя что на уме, ваше сиятельство?

ОЛАДА

Общая природа, общая наша семья, здоровье наше с тобой, ее здоровье, здравый смысл – вот что у меня на уме, вот почему я курю только натуральную марихуану. Еще со времен Вудстока я дал себе зарок курить только натуральную марихуану.

ОБА

Вудсток! *(Оба на мгновение благоговейно затуманиваются, потом возвращаются к реальности.)*

ВОРОНЦОВ

Ну ладно, Олада! Ты как упрешься рогом в одну тему, не слезешь до скончания дней. Почему ты не спросишь, где я путешествовал этой ночью? Через какие фантазмы я проходил вместе с нею, с Какашкой! Нет, поистине, секс – это окно в метафизику!

ОЛАДА

(помрачнев). Нечего трепаться, граф, и нечего вместе с нею проходить через фантазмы. Нас все-таки трое, и все мы русские люди. Конечно, она была секс-рабыней, но сейчас она все-таки супруга двух, подчеркиваю, двух порядочных людей, из которых один никогда не слезет с натуральной марихуаны.

ВОРОНЦОВ

Все тот же спор славян. Ладно, давай-ка, князь, головки поправим. Тащи «Джека Дэниэла»!

ОЛАДА

Эх ты, Воронцов-Уорренти-Оф, пиво по утрам тебя уже не устраивает, катишься вниз по наклонной плоскости. *(Вытаскивает из кармана бутылку виски.)* Пора тебе записываться к «Анонимным Алкоголикам».

ВОРОНЦОВ

(хитровато улыбается). Пожалуй, ты прав, Олада, – прячь бутылку до ланча, начнем с пива. Как в Питере-то наши друзья говорили: «Пивка для рывка».

ОЛАДА

(злится, но бутылку не прячет). Ты думаешь, Джин, что ты больше русский, чем я? Олады, между прочим, от Рюриков гребут, а Воронцовы малость портяночкой пахивают, особенно с этим говенным двойным «ф». Чем ваша семья прославилась, тьфу тебя и изыди? Травили наше национальное солнце поэзии?

ВОРОНЦОВ

Того арапа? А не травил ли он сам нашу Елизавету Ксаверьевну? Сколько раз мне тебе говорить, что он был вне контекста. Полностью вне контекста.

ОЛАДА

Джин, я когда-нибудь бутылку обломаю о твою башку за эти «контексты», тьфу тебя и изыди. Учись все-таки по-русски думать и изъясняться, Божий электрик. *(Вынимает из другого кармана бутылку водки «Жириновский».)* Вот она, родная, и с портретом аристократа на этикетке. Вот с чего нам надо начинать по традиции!

ВОРОНЦОВ

А вот теперь ты дело говоришь, Ник, Божий водопроводчик! Сдирай пробку!

ОЛАДА

Вот и опять ты сел в лужу, граф. Да какой же русский утром распивает «Жириновского» на двоих? Русский человек, простой, искренний, незлой, всегда ищет компанию на троих! Об этом еще Джон Стейнбек писал!

ВОРОНЦОВ

На этот раз ты прав, друг. Вон там наш третий загорает возле «Дяди Саши». По всем приметам, не откажется.

ОЛАДА

Давай из-за уголка его позовем по традиции.

Между тем Славка Горелик, разомлев на двадцатиградусном морозе, что-то пишет на меню, иногда впадая в задумчивость сродни той, что появляется у хорошего финансиста при подсчете «ассетов» и «лайбилитис». Он не замечает, что два косопых парня направляются к нему.

ГОРЕЛИК

Ну вот, готово, стих с синкопой! На этот раз всего лишь двенадцать с половиной минут. Главное – набор рифм. Смысл появляется сам по себе. Всем путешественникам советую: бросьте кроссворды, сочиняйте стишки. *(Читает из меню.)*

Трясется в трамвае на остров Елагин.
Ёжится, будто бы в узах тёрна.
После бредет, словно узник ГУЛАГа.

Марш-барабан и рядами стальные каски.
Сколько столетий на них взирали!
Дни распродажи богатств Аляски,
Годы отъезда в родной Израиль.

Склоны, поросшие можжевельником.
Связки колбас с холестерином.
Ваше величество, можно вольно? —
Мнится Улиссу голос Сирены.

Гордые линии: Темза, Рига.
Стены из кладки энциклопедий.
Щурится знаний хват-мастерюга,
А сам косолапит с лентой медведя.

Фалды подбросив, он сел к пианино.
Вот вам аккорды, толпа, нахалы!
Где ты, красотушка бабка Арина?
Дай я прочту тебе стих сначала!

ОЛАДА

(Горелику, по-русски). Эй, хлопская дубрава, гордая пролетария, джентльмешонок полей *(хихикает)* для гольфа! Будем выпивальство а труа?

ГОРЕЛИК

За эту «гордую пролетарию», Ерема, ты ведь можешь и в лоб получить. Вы кто такие?

ВОРОНЦОВ

Мы, видите ли, потомки русской аристократии, восемьдесят лет назад поселившейся в Бёрчтри-Вэлли. Я граф Евгинарий Воронцов, ну, в общем, Жека, по-английски Джин Уорр, удачливый торговец.

ГОРЕЛИК

«Уорр» всегда удачливый торговец.

ОЛАДА

А я князь Олада, честный торговец. По-здешнему, Ник Ола, а по обычаю старорусскому и по новому, петербургскому, зови меня Колян. Я также помогает коллективку по части трубок.

ГОРЕЛИК

(в сторону). Кажется, сразу на нужный народ вышел. *(Жеке и Коляну.)* А я спец из Санкта по части геральдики и семейных хроник. Меня зовут *(замаялся, пытливо глядя)* Бенни Менделл, к вашим услугам.

ВОРОНЦОВ

(в сторону). Бенни Менделл, а так ведь сразу и не скажешь!

ОЛАДА

(вынимает «Жириновского» и три пластмассовых стаканчика). Ну чаво, мужичье, «он сказал: поехали», что ли?

ГОРЕЛИК

Дай-ка я сам разолью. У меня глаз – ватерпас!

Все трое употребляют свои дозы. Джин Уорр, изящно отставив в сторону мизинец. Ник Олада крикает и трясет башкой в национальном стиле. Горелик-Менделл – по-богемному, как бы между прочим.

ГОРЕЛИК

Закуска есть?

ОЛАДА

Закуска сей ранний час не имеет себя, тьфу тебя и изыди, эвейлабл.⁶

ГОРЕЛИК

Ну, тогда придется мануфактуркой. *(Вытирает губы рукавом, нюхает ткань.)*

ОЛАДА и ВОРОНЦОВ

(изумленно и радостно). Да неужто ты... вы... прям отсюда?

ГОРЕЛИК

Я же сказал, что я из Санкта, специалист по вашим блядским родословным. У меня командировка в эту местность.

ВОРОНЦОВ

Где это – Санкта, позвольте вас спросить?

ГОРЕЛИК

Это там, где ваши предки понастроили дворцов и навербовали жандармов; там, где они в детских штанишках с оборками совершали променады под надзором мадам Клико и месье Татинже; там, где ветер, летя по главному проспекту, приносит с собой всю Северную Европу и кусок Италии... Ну, понятно?

ВОРОНЦОВ и ОЛАДА

Неужели из Ленинграда, приезжий, соу джентл, соу мэн?!

ГОРЕЛИК

Из Его Величества Рабочего Класа Колыбели Революции Имени Кирова Города-героя, Святого По-голландски Города Петра *(взгляд его на мгновение благоговейно затуманивается)*. Честь имею, ваши сиятельства, перед вами – представитель третьего поколения советской аристократии-бюрократии.

Воронцов стоит неподвижно, стараясь не уронить достоинства перед таким знатным приезжим. Между тем князь Олада в восторге совершает довольно медвежий танец, выдергивая из сугробов то сучок «Зюганов», то коньяк «Шохин», то вермут «Явлинский».

ОЛАДА

Ну, прохоженствующий, не знаю, как тебя всамделе звать, давай разливай! У тебя глаз-то действительно ватерпас!

ГОРЕЛИК *(завершив молодецкую выпивку).* Ну, братва, я захорошел!

ВОРОНЦОВ и ОЛАДА

(восторженно). И вы захорошел, и мы захорошел! Какая вокабулярная экспрессиона, как бы сказала прабабушка Мими!

ГОРЕЛИК

Скажи, братва, тут в ваших краях такая девушка-блондинка не появлялась?

ВОРОНЦОВ и ОЛАДА

(хохочут). Много их тут появлялось. Основательно! Вот именно так, как вы описали, блондинки, блондинки, но есть и брюнетки. Блондинки, паря, слегка приелись, в горах в снегу грезишь о кастаньетах, о фламенке... Точнее нельзя? Шо за блонда тебя интересует, Бенни-бой?

ГОРЕЛИК

⁶ От англ. available – имеющийся в наличии.

Неотразимая такая. Сумасшедшая. Звезда станции метро «Нарвские ворота». Наташка Светлякова такая по прозвищу Какаша. Ее кто-то в Америку увез... *(Застывает со стаканом очередного напитка в руке, на лице его отражается неподдельное страдание.)*

ВОРОНЦОВ

(отводит в сторону Оладу, шепотом). Ну, князь, вот так попали! Этот Бенни Менделл нашу мечту, нашу супругу хочет поймать, надергать из нее перьев.

ОЛАДА

То-то она прошлый раз кричала: он придет, придет, он освободит меня из рабства! Как напьется или нажрется, так обязательно Славку Горелика какого-то зовет. Слушай, граф, она ни разу никакого Бенни Менделла не называла.

ВОРОНЦОВ

Шат ап. Ник! Ни слова больше на эту тему! *(Горелику.)* Нет, Бенни, таких, как вы описываете, у нас тут сроду не было. Но не горюй, душка, найдутся и не хуже.

*Из дома Фэймоса выходит Софи. Она в лыжном костюме и с лыжами. Деловито про-
веряет экипировку.*

ГОРЕЛИК (Воронцову). Как ты меня назвал? Чушка?

ВОРОНЦОВ

Я вас назвал «душка», а не «чушка». Это просто так по-дворянски, любезнейший.

ГОРЕЛИК

За такие любезности можно и по хребтине получить! Ну погоди, граф кисельный, в смысле седьмая вода на киселе, я ведь всю твою родословную знаю!

ВОРОНЦОВ

Милостивый государь! Не забываетесь!

ОЛАДА

(основательно поплыл). Мир, пацаны! Мэйк лав, нот уор!⁷ Мы за мир, и песню эту не упрячет враг в штиблету!

Проходящая мимо Софи Фэймос фыркает прехорошеньким носиком: дескать, что за свинство развели здесь эти мужсланы.

ОЛАДА

Куда рулишь, София Премудрая?

СОФИ

Будто вы не знаете, дядя Коля. Всего неделя осталась до стартов Килиманджаро, надо тренироваться. *(Замедляет шаги, внимательно изучает фигуру Горелика.)*

ВОРОНЦОВ

Дочь министра-капиталиста барона Фамуса, если по-русски. Софи Фэймос, олимпийская чемпионка. *(В сторону.)* По ночным видам спорта.

СОФИ

А вы дурак, дядя Евгинарий. Ваши реплики в сторону прекрасно доходят до моих ушных мембран, еще не тронутых возрастом. Граф, не стыдно ли вам постоянно волочиться за молодежью? Ваш друг из Рио-де-Жанейро еще подумает, что вы что-то обо мне знаете.

ГОРЕЛИК

Простите, мисс, но почему вы решили, что я из Рио?

СОФИ

По вашей шляпе. Никто из бразильцев не носит такого, но наши все возвращаются из Рио в этих шляпах. Им, тем нашим, ну, скажем, дяде Коле и дяде Жеке, кажется, что после поездки в Бразилию они стали авантюристами, между тем не вылезали из бара отеля. А то еще на родину предков повадились, изображают там всяких гусар: поручик Голицын, корнет

⁷ От англ. Make Love, not war! – Занимайтесь любовью, а не войной!

Оболенский, всяких там Лермонтовичей и Пушкинзонов. В недалеком прошлом приехали два этих наших бюргера из Санкт-Петербурга такие, видите ли, загадочные, как будто там какой-то кусок любви отхватили. И все время норовят «а труа» – даже с племянницами.

ГОРЕЛИК

Какая наблюдательность! Какая проницательность! Какой высокий моральный стандарт! Разрешите, я провожу вас до вашей трассы?

СОФИ

Только без расчета на «куики». То есть без «пистона», по-рашенски.

ГОРЕЛИК

О боже мой! Юная баронесса! Как вы могли предположить столь нахальные намерения с моей стороны? Смею вас уверить, я как кабинетный ученый являюсь солидным и даже слегка консервативным членом общества.

СОФИ

Мэн, что-то вы не похожи на консерватора. Скорее напоминаете сексуальных бандитов, которые всегда собираются вокруг Олимпийских игр в надежде потрахать опьяненных успехом чемпионок.

ГОРЕЛИК

Я не из их числа, барышня. Уж если я встречаю какую-нибудь чемпионку, неизменно влюбляюсь до умопомрачения. Ночные безумные телефонные звонки, раблезианского масштаба муки ревности, тонны стихов и пр. и др. Что касается непосредственно вас, то я ведь вас вычислил задолго до того, как вы побили Кламзи Батток⁸ и Лиззи Ярд на страшных склонах Килиманджаро. Ведь вы же шестнадцатая баронесса из третьего колена Фамусов, не так ли?

Вы удивлены, вы даже шокированы, однако поверьте, в этой разработке нет ничего скабрёзного. Дело в том, что я историк, архивист, и моя главная тема – это родословные российского дворянства. Ваш род я прослеживаю до Смутных времен. В войске Лжедмитрия Первого сражался бельгийский капитан Фома Усе. Считалось, что он пал на поле брани, однако я достоверно установил, что он в течение пятнадцати лет после даты предположительной смерти получал пособие от саксонского короля.

Теперь держитесь за что-нибудь, лучше всего за меня, Сонечка! Россия притягивала бродячих капитанов своими женщинами. Кавалер Усе остался в России и женился на дочери боярина, то есть барона, Кайсын-Кайсацкого. Эта фамилия вам, конечно, известна, однако вы никогда не предполагали такой кровной близости к Мими, что была национальным сокровищем как Англии, так и Калмыкии. Ага, я вижу, вы слегка закачались? А ведь мы только начали рассказ о славной династии, о которой немало всякого, в том числе и клеветы, распространялось в свете.

СОФИ

Чем это от вас так сильно несет?

ГОРЕЛИК

Это водка «Жириновский».

СОФИ

Я потрясена. Вместе с запахом водки «Жириновский» вы приносите мне память о капитане Фоме Усе, о котором я, признаться, никогда не находила никаких сведений в семейных анналах.

ГОРЕЛИК

Пеняйте на анналы.

СОФИ

⁸ От англ. Clumsy Buttoc – неуклюжая задница.

Значит, цель вашего приезда в нашу Березань...

ГОРЕЛИК

Интервью, интервью и еще раз интервью. С их помощью я надеюсь найти недостающие звенья в генеалогической паутине семейств Олада, Воронцовых, Фамусовых, фон Мочалкиных, Нардин-Нащокиных и Кайсынкайсацких-Соммерсет. Меня, собственно говоря, зовут по-русски д-р Горелик, Слава Горелик, всегда к вашим услугам, а по-английски Бенни Менделл, если позволите. Вы понимаете?

СОФИ

(очень возбуждена, с трепетом). Еще бы не понять! Как могу я не понять, если вы столько раз являлись мне во сне!

ГОРЕЛИК

(как бы не замечает такого ошеломляющего признания). Я проведу здесь не менее недели. Жаль только, что в этой очаровательной гостиничке, что напротив ваших окон, нет свободных комнат.

СОФИ

Для вас найдется.

ГОРЕЛИК

Вы знакомы с хозяином?

СОФИ

Я сама хозяйка этого отеля. Где ваши лыжи? *(Шепчет жарко.)* Человек без лыж здесь вызывает подозрение в это время года. Даже такой тропический принц, как вы.

ГОРЕЛИК

Ну, я куплю себе сноуборд в «Уорренти офф». Я слышал, что сноубордисты сейчас тут у вас задают тон.

СОФИ

(с неожиданным раздражением). Сисси-бойз, вот кто они такие! Не настоящие спортсмены! *(С неожиданной нежностью.)* Впрочем, вам я и доску прощу. Ведь вы, сударь, как это по-русски, являнствуете фром моих мечт, подобен Онегин, подобен Байрон...

ГОРЕЛИК

Ну с этим мы разберемся, барышня.

Парочка исчезает в глубине сцены.

Между тем князь и граф сидят на краю фонтана в глубокой, почти ступорозной задумчивости: веселое опьянение патристическими водками сменилось черным сплином, этим нередким спутником русской аристократии.

ВОРОНЦОВ

Терпеть не могу таких Бенни Менделлов. Сталин знал, как с ними управляться, а теперь они вертятся повсюду с такой самонадеянностью, как будто весь мир – их удельный штетл.

ОЛАДА

Однако ты слышал, он проговорился, он представился нашей нимфоманке под другим именем. Слава Гоурелли или что-то в этом роде. Ты слышал, Джин?

ВОРОНЦОВ

Ничего я не слышал. И слышать не хочу.

ОЛАДА

Нет, ты слышал! И ты прекрасно понимаешь, что это именно тот парень, которого ждет наша Какаша. Сколько раз она нам грозила: вот приедет Славка, Славка нас рассудит! Он меня вырвет из ваших жадных лап! Славка – это горелик моей души и тела, вот так она все время твердит, тьфу тебя и изыди!

ВОРОНЦОВ

Ник, я хочу тебе сказать, что я устал от этого мира. Здесь не происходит ничего, кроме постоянного обмана. Едва лишь замерцает огонек гармонии, как тут же тебе в лицо расхохочется какая-нибудь посторонняя харя, ну а уж если ты с твоим ближайшим другом, с твоим вторым «я» влюбишься в девушку, если вы женитесь на ней, жди, кто-то возникнет из хаотического кружения тел, называемого человечеством, и заявит свои права на мечту – больше того, на вашу легитимную супругу.

ОЛАДА

Джин, нам придется его убрать.

ВОРОНЦОВ

Как убрать?

ОЛАДА

Ну как когда-то в батальоне учили (*показывает, как бросают нож*).

На сцену весело возвращается Горелик, шагает широко, размахивает руками: очевидно, весьма доволен своей прогулкой с олимпийской чемпионкой. Начинает собирать свой порядком разбросанный багаж. Замечает собутыльников.

ГОРЕЛИК

Хей, бразерс, я хочу вам дать по миллиону баксов, чтобы вы искали мою любимую девчонку по кличке Какаша (*вынимает из рюкзака два увесистых пакета*). Это тебе, князь! А это тебе, граф! Можете не волноваться, чисто вашингтонская продукция. Ну а если приведете ее ко мне в более-менее пристойном виде, получите десять. Чего десять? Да лимонов же, князьё неотесанное! Итак, ищите, ребята! А я пока пойду придавлю пару часов. Похоже на то, что события на этом пятаке будут закручиваться как смерч. Я сказал «смерч», а не «смерть», но это не значит, что эти явления далеки друг от друга, по крайней мере фонетически, *n'est pas?* (*Собрав шмотки, включая и мешок с налом, весело уходит в гостиницу.*)

Едва только за ним захлопнулась дверь, как на улице появляется прелестная Светлякова Н.А., Какаша. Порванная цепь свисает с шеи. Остальной туалет тоже оставляет желать лучшего в смысле завершенности. Поражают босые ноги. Словно фурия, полуодетая девушка проносится вокруг фонтана и сильно толкает присутствующих, то есть двух благородных друзей, в снежную чащу.

КАКАША

Гады, вы снова передо мной! Думала, что уже вырвалась на свободу, и опять нарвалась на мужей-мучителей! Мерзавец Жека, мерзавец Колян, вы почему мне ничего не оставили? Ни порошков, ни бузы – хоть шаром покати во всем доме! Убирайтесь с глаз моих долой, проклятые отрывки байронизма, пошлые кочерыжки романтизма, замшелые «лишние люди», мужские климактерички! Ха-ха, граф и князь, электрик и водопроводчик! Аристократы-лавочники!

ОЛАДА

Да ты что как с цепи сорвалась, Какаша?

КАКАША

А с чего же я сорвалась, гудило грешное?! Ты что, не видишь, что болтается с моего ошейника? Не ты ли сам защелкивал его столько раз, князь Изверг?! Хорошо еще, что Полкан помог, перегрыз. Бедный пес чуть не поломал зубы. Только один он меня и любит в целом мире.

ВОРОНЦОВ

Это неправда, не он один. Успокойся, Наталья Ардадьоновна! Разве ты забыла, какую роль играет эта цепь в наших отношениях? Ведь это же чистая метафора, ничего больше.

ОЛАДА

Дева, ты чё, забыла, что сама напросилась на цепь в своих метаниях? Не ты ли говорила, что в калифорнийском заточении у тебя установились с цепью особые отношения? Да

ты скажи только слово, краса-колбаса, и мы покончим с этим факин-цепь-бизнес! Я лично тебя без цепей больше люблю, а у Жеки это ж просто метафантазмы, ну ты ж знаешь. Брось яриться, дева! Ежели, как ты говоришь, в доме нет ничего, то чего же ты тогда насосалась?

КАКАША

Клей нюхала. Ну что zenки разинула, аристократия? Даже ты, Олада, знаток питерского подполья, и то не знаешь такого способа, а у нас он был в ходу еще со времен «Системы». Просто и гениально, как все простые и гениальные гадости. Кладешь открытую банку какого-нибудь БФ на дно пластикового мешка и сама башкой в этот мешок влезаешь. Так я нанюхалась до того, что привиделось, будто Славка сюда приехал, будто он где-то совсем рядом, будто меня ищет. Вам он тут не попадался, ваши сиятельства?

ВОРОНЦОВ

Позволь, Наталья Ардадьоновна, ты говоришь о фантоме своего воображения как о реальном предмете! (*Жарко, в сторону.*)

Предмет ужасный, зело страшный.
Игрец нахальный иль герой
Фольклорных буйств. Он тянет клешни
И разрушает жизни строй.

КАКАША

«Страшный – клешни» – это ничего. «Герой – строй» – это говно.

ОЛАДА

Какаша, любимая наша чувиха, мы тут с Жекой надыбали два пакета по миллиону баксов. Мы отдаем их тебе, но только с одним условием: завтра утром мы втроем покидаем Березань, летим в Париж и там садимся на кругосветный «Конкорд» (*в сторону, с жаром*).

Водопровода ток хрустальный
Пусть ржавчиною прорастет,
Но не допустим шуток сальных,
Похожих на дрянной ростбёф!

КАКАША

(*хохочет*). Олада, ты прибавляешь! «Прорастет – ростбёф», это уже постмодернизм! (*Забирает пакеты.*)

ВОРОНЦОВ

Так ты согласна?

КАКАША

Конечно. Я их Славке моему отдам, пусть погуляет как «новый русский». А если он мне немного оставит, я смогу продолжить образование и получу бакалавра в Северо-Западном университете. Подумать только – питерская хиппница и беглая из Калифорнии секс-рабыня становится бакалавром, полезным членом академического содружества!

ВОРОНЦОВ и ОЛАДА

(*обескураженно*). А как же мы-то, твои законные? Что же, харакири, что ли, нам прикажешь делать?

КАКАША

(*хохочет*). Да я шучу! Ведь Славки же не существует, ведь он же просто фантом! (*В сторону.*)

Прощай, прощай, Горелик Славка!

Ты просто вымысла фантом.
Хоть помню я твои уловки,
Лимоны крутят все вверх дном.

Слышится сильный шум, как будто внутри дома кто-то скатывает по лестнице всю затоваренную бочкотару. Доносится могучий бас: «Молчать! В сортир твой факин факс! Фак-твою-в коробку, уничтожу! Молчать, служить и выполнять! Иначе из Думы вылетит в яму! Пять минут на раздумье!» Из двери дома выходит Пол Фэймос, цветущий старик. Он в деловом костюме банкира, но в яркой лыжной шапочке на голове. Возле уха мобильный телефон.

Не замечает присутствующих. Между тем граф и князь пытаются удержать девушку Какашу от ее бурного стремления взлететь на самый верх фонтана и изобразить нимфу. Попытка проваливается, и красавица воцаряется над площадью.

Мистер Фэймос сует телефон под мышку, подходит к дверям своего банка и открывает их большим фамильным ключом. Вдруг застывает в глубокой задумчивости.

КАКАША

Какой аппетитный папаша! *(Он не слышит и не замечает.)*

ФЭЙМОС

Что происходит? Мне семьдесят лет, но по ночам меня преследуют сексуальные видения: выпяченные зады, свисающие груди, прочее.

В ночных мечтах я Казанова,
Но сладости сии горчат.
То нимфу трахаю лиловую,
То жму корову сгоряча.

Должно быть, это из-за того, что я поэт. Меня тут все финансовым тираном считают, а я поэт, прежде всего поэт! *(Оборачивается и видит Какашу, которая немедленно принимает жеманную позу, как бы прикрывая срам обрывками одежды и тончайшими своими ладонями.)* Боже мой, это она, нимфа моих ночей! Лиловость этих глаз неповторима, я не мог ошибиться! Нимфа, откуда ты прилетела в нашу лыжную Тмутаракань, в мои дикие сны?

КАКАША.

Жила я на воротах Нарвских,
Парила средь балтийских вод.
И осеняла финнов варварских
Лучами счастья и невзгод.

ОЛАДА

Ты ее меньше слушай, Пол. Это обыкновенная студентка из Северо-Западного университета – чумная, конечно, но они там все чумные. Как нанюхаются клея, так их не остановишь.

ФЭЙМОС

Князь, меня не обманешь. Она необыкновенная, у нее почти забытый в наших краях русский акцент. Я так и вижу ее парящей, и осеняющей, и снижающейся прямо в руки того, кто ее ждет, того, кто измучен ее нематериальными явлениями. Дай руку мне, красотка, и в церковь со мною пойдем! Надеюсь, сорокапятiletняя разница в возрасте тебя не смущает?

КАКАША

Ничуть! *(Спрыгивает с фонтана прямо в руки животрепещущего старика.)*

ФЭЙМОС.

Иные скажут: мир ужасен.
Но он красотами влеком.
Ползет в нем уж, пылает ясень,
В груди у женщин молоко!

(Нежнейшим образом лапает свой идеал.)

Дитя мое, я отдаю тебе мой банк «Дип Чазм» с ежегодным профитом два миллиона долларов! Два миллиона, ты не ослышалась! *(Под мышкой у него звонит телефон, грубый мужланский голос звучит во всю мощь: «Вот тебе мой ответ, факинг Пол Фэймос! Ай фак ю факингли в коробку, фак ю под хряц, фак расфакованный в фачью факу, понял?»)* Какие все-таки хама в этой Государственной Думе! *(Банкир в растерянности выпускает из рук красавицу и даже не замечает, как Воронцов и Олада увлекают ее за обрывок цепи в кулисы.)*

В этом месте мы осмеливаемся предложить режиссеру своеобразное балетное трио, в котором Какаша стремительно эволюционирует от похищенной Европы до грозной валькирии, а Жека и Колян – от коварных сластолюбцев-похитителей до умирающих от любви Пьеро. К тому же с некоторым японским оттенком: оба жестами и перочинными ножиками намекают, что готовы совершить харакири. «Какаша, родная, пощади!» Она сдается.

ФЭЙМОС

(остался один). О горе, она исчезла! Пока этот московский боров орал, она испарилась! И больше не появится никогда! Нет, невозможно жить среди такой сволочи, среди бессмысленного стада обалдевших от цивилизации овец. И что мне мои миллионы, если мне семьдесят, если я упустил свой последний шанс, если я сам по себе никакой не барон, а паршивый баран, всю жизнь протолкавшийся в этом стаде?! *(Тычет в свой «мобиль», нигде нет ответа.)* Куда же все эти сволочи, мои помощники, провалились? Где этот косноязычный Мамм Алекс, факс-пакс?! Хорош менеджер! Каждую ночь залезает через окно в спальню моей дочери, а когда нужен, его нигде нет! *(Распалывается все больше.)* Сидит, молчит и ждет – сначала благословения, потом завещания. Уволю мерзавца! Отправлю его в Россию, в аппарат Государственной Думы! Боже, Боже, как мне найти ту нимфу, увлеченную двумя негодьями, гедонистами Вудстока и отпрысками развращенных кокаином Воронцовых и Олада, с их порочными ответвлениями от Куракиных и Чурило-Пленковичей? *(Вытаскивает свой аппарат, тычет пальцем.)* Мефисто, где ты? Возьми мою душу! Молчит, всегда молчит.

Пока он так изливает свою скорбь и ярость, открывается окно на втором этаже гостиницы, и в нем появляется сладко потягивающийся со сна **Слава Горелик**.

ГОРЕЛИК

Сколько же я спал – десять минут или десять часов? *(Замечает внизу одинокого банкира, прислушивается к его ламентациям.)* Вы ошибаетесь, барон, на вашем склоне горы нет ни одного потомка былинных князей Чурило-Пленковичей. Те гнезятся за границей вашего штата – может быть, в Вермонте, поближе к летописцу. Что касается Куракиных, то они действительно присутствуют в здешних аборигенах, в том числе и в вас, мой барон. Я, конечно, понимаю, что этими связями нечего гордиться, особенно после печального эпизода похищения Наташи (не Какаши), который мог бы вызвать новую Троянскую войну, будь он рассказан на былинный лад, а не в стиле буржуазного реализма. Впрочем, тут есть и другая сторона медали – Куракины отменно сражались в течение четырех веков за русские интересы, теряли конечности, но не теряли пыла. Так и вошел один из них в ствол Кайсынкайсацких, если вы позволите, барон.

ФЭЙМОС

Три вопроса. Откуда вы знаете, что я барон? Откуда у вас эти сведения о наших родословных?

ГОРЕЛИК

Я давно знал о вас многое, но, как вижу, не все. То, что вы, оказывается, поэт, и недюжинный, сударь, для меня ново. Откуда у меня сведения о родословных? Книжки, старые хроники, архивные изыскания. Давайте ваш третий вопрос.

ФЭЙМОС

Вы из КГБ?

ГОРЕЛИК

Нет, из ВРИИАНРФа. Всероссийский институт истории Академии наук Российской Федерации, к вашим услугам. Доктор наук Мстислав Горелик, он же Бенни Менделл для удобства путешествия. Я только что из Санкта, с командировкой РАНа. Вот, пжалста! *(Протягивает Фэймосу довольно гадкого вида бумажку.)*

ФЭЙМОС

Да я и без бумажки вижу, что вы настоящий русский человек. Какая удача! Сейчас попробую по-русски.

Посредь людей американски
Не можно сделать конфесьон.
Повсюду эти их глянцы,
Российский дух не посвящен.

Если бы вы знали, мой друг, как плоть моя искутана духовными уколами.

ГОРЕЛИК

Вы, кажется, хотите мне в чем-то исповедаться, барон?

Хоть я не пастор православный,
Всего лишь жизни скоморох,
Спокойно доверяйте Славе
Рассказ о ваших комарах.

Ну, давайте!

ФЭЙМОС

Да я весь горю, разве не видите? Весь потом заливаюсь!

ГОРЕЛИК

Вам нужно охладиться. Полезайте в фонтан! Поглубже, по горло, ваше сиятельство! Сейчас вам станет лучше.

ФЭЙМОС

(барахтается в снегу фонтана). Мне уже лучше. Никогда не думал, что у нас такая тут целительная купель.

Ну, приготовьтесь, мистер Менделл,
Принять признания души,
Что изогнулась, словно модуль.
Страдая, как сплошной ушиб.

Дело в том, что меня мучают во снах видения молодой женщины с лиловыми глазами.

ГОРЕЛИК

Меня тоже!

ФЭЙМОС

И вдруг сегодня утром, не далее как полчаса назад, я встретился с ней во плоти и даже лобзал ее в шею сзади.

ГОРЕЛИК

В шею сзади? (*С нарастающей тревогой.*) Где она? Как она выглядит? Как ее зовут?

ФЭЙМОС.

Я имени ее не знаю,
Хотя я отдал бы свой банк
За чистый звук, как имя Зоя
Иль Глория де Шарабан!

Она была полуголой и с обрывком цепи на шее, глаза излучали сильнейшее лиловое свечение. Неотразимая! Увы, пока я на секунду отвлекся, ее увлекли два местных развратника – электрик и водопроводчик. Теперь она пропала, пропала навсегда! Господи, прости старому дураку его прегрешения, а вы, путник из города имперской нашей славы, скажите, что это – любовь или похоть в чистом виде?

ГОРЕЛИК

Любопох в чистом виде, мой барон. (*Вытаскивает Фэймоса из снежного фонтана.*) Портрет, который вы тут нарисовали, очень похож... ммм... на одну мою корреспондентку. Вы помните ее имя – Наташа, Какаша? Если уж исповедоваться, барон, тогда полный вперед! Признавайтесь!

Во время этого диалога в глубине сцены появляется Алекс Мамм (фон Молчалин). Не решаясь приблизиться, он ждет окончания беседы.

ФЭЙМОС

Вы мне не верите? Слово дворянина! Ноу информэйшн эбаут хёр айдентити.⁹ Последнее, что осталось, – звук ее голоса. Он прерывался, как будто кто-то затыкал ей рот. Слабел и прерывался, прерывался и слабел. Однако она пела, пела!

ГОРЕЛИК

Вы помните хоть одну строчку из ее песни?

ФЭЙМОС

Попытаюсь вспомнить. (*Изумленно.*) Помню всю строфу! Она пела приблизительно следующее:

Тебя я помню, Словко-Словко,
Твой сладкий груз, плечей размах.
Твою античную головку,
Мечту троянских Андромех.

Это действительно было похоже на одну из песенок Мадам де Шарабан, которыми меня в детстве потчевала бабушка Мими. (*Открывает рот в изумлении.*) Словко, Словко, это о ком же она пела, кого это она так помнит?

ГОРЕЛИК

Куда эти гады ее потащили?

ФЭЙМОС.

⁹ От англ. No information about her identity – Никакой информации о ее личности.

Небось, ухапкали красу
В тот тминный бор, что на востоке,
Где стайки пестрых карасей
Напоминают о Вудстоке.

(Безнадёжно показывает направление.)

Телефон звонит у Фэймоса под мышкой. Горелик немедленно срывается с места и в следующий миг исчезает. Мамм, все еще не решаясь подойти, звонит по мобильному телефону.

МАММ

Звиняйте, дядя Паша, это Леха спыкает.

ФЭЙМОС

Кто вы такой?

МАММ

Дык ваша ж племяша ж. Управленец вашего ж банка. *(Хмыкает.)* То есь не банка пивы, а банк, где деньги повышают себя.

ФЭЙМОС

Похвально, что вы объясняетесь по-русски, но все-таки я вас не знаю. У меня таких менеджеров быть не может. Мой менеджер должен постоянно быть на связи со мной. Не существует такой менеджер, которому звонишь, а он не отвечает.

МАММ

Дык не вписался же ж в поворотные ворота. Софа прикидки катала, а я ей лэпсы¹⁰ секундометрил. Размечтался, ну, эквипмент, и пошел вразнос, правая туда, левая сюда. Пока летел, слышал ваш звонок, но ответить не вспомогательствовал.

ФЭЙМОС

Ладно, хватит дурака валять с твоим русским. Пользуешься моей слабостью. Последний раз прощаю, понял? Подойди сюда. Ты видел человека, с которым я только что разговаривал? Он говорит, что он из Академии наук, специалист по родословным российского дворянства. Однако не верю. Есть подозрения по его части. Ой, боюсь, не для родословных этот молодец сюда приехал. Не замышляет ли похищения девиц? Ну, скажем, ну, скажем, моей дочки ненаглядной, моего олимпийского золота.

МАММ

(пораженный). Да вы чё, дядя Паша, вы чё?

ФЭЙМОС.

Любой мужчина настоящий
Всегда мечтает уволочь.
И образ весь, и малый прыщик
Влекут его, как волчья ночь.

Ну ладно, я тебе, Леха, поручаю ответственное задание, как говорят юные гайдаровцы в кинофильме «Судьба барабанщика». Ты должен собрать всю информацию об этом человеке. Где родился, чему учился, не сидел ли, не участвовал ли в антиправительственной диссидентской деятельности, не голубой ли, и как у него с иммунной системой, а самое главное – зачем к нам, в Березань, явился.

МАММ

Йессэр!

¹⁰ От англ. lap – круг на стадионе, треке. (Здесь: попытка.)

ФЭЙМОС

Справишься?

МАММ

Йессэр! Надо сразу в Америку позвонить, раз такое дело.

ФЭЙМОС

В какую еще Америку, мы и так в Америке семьдесят восемь лет живем.

МАММ

Разве вы не знаете, что мы называем Америкой в кругах молодежи?

ФЭЙМОС

Ах, это. Рискованное дело, что и говорить, но позвонить надо. Будь осторожен с этой Америкой: она хоть и все знает, но не все. Бери у нее то, что она знает, но не отдавай того, чего мы сами не знаем.

МАММ

Иду на связь. Да, кстати, дядя Павел, вам Софа ничего не говорила? Мы собираемся пожениться.

ФЭЙМОС

Что-о-о? Лыжник-неудачник на олимпийской чемпионке? Такого мезальянса я никогда не допущу!

МАММ

Тогда прошу меня уволить.

Ночное солнце на закате
Уходит в гости в никуда.
Пусть унесет меня мой катер
Туда, где радуги дуга.

ФЭЙМОС

Все тут рехнулись с рифмовками. Какая дуга, при чем здесь катер? Хоть ты бы в поэзию не лез, в тщете тщеславный. Ночное солнце! Я знаю, как оно в спальню к моей дочери пробирается.

МАММ

Значит, в Америку сами будете звонить? А что, если они спросят о ваших делах с Думой, с кем матюкаетесь по утрам?

ФЭЙМОС

(рывает). Нет, это ты будешь звонить! У тебя, я вижу, прямой телефон в Америку. Звони, женись, делай детей, разводись, отсуживай капитал. По всем законам жанра ты должен меня сожрать, но мне наплевать!

Померкли все мои надежды,
Мой возраст, гадкий, как угар,
Не спрячешь в пышные одежды,
Не выльешь в марочный кагор.

МАММ

Ну чё, я пошел, фактически папа, да? *(Уходит внутрь банка.)*

ФЭЙМОС

Без информации на глаза не попадайся! *(В растерзанных чувствах лезет в свою купель, то есть в фонтан.)*

*Из-за угла кафе «Дядя Саша» выскакивает разгоряченный **Слава Горелик**. Пронзительным голосом поет призывную песню.*

ГОРЕЛИК.

Если кликну я.
Отзовешься ли ты?
Выпьем ли «Клико»
Или в грязь полетим?..

Твой образ был, как небо голубое
В простых мечтах еврейского ковбоя...

Не отвечает... А ведь пока носился по «тминному бору», явственно слышал ее голос. Кто еще в здешних местах знает «Песенку Елагина острова» образца 1988-го?

Есть на свете островок Елагин,
И гребная база есть на нем.
Приходи, мой бешеный стилига,
Мы на зыбком скифе погребем!

И вдруг замолчала, как будто ей рот заткнули.

ФЭЙМОС

Это у вас слуховое галлюцинаций, говоря по-русски. А девица сия просто фантом и фонтан моего воображения. Моего, не вашего, понимаете, сэр?

ГОРЕЛИК

(грустно). Может быть. Может быть, лопухнула моя разведка, и ее здесь просто нет, как не оказалось ее в Санкте, когда я сбежал из крытки, как не оказалось ни в Эл-Эй, ни в Израиле, ни в Рио. Всем этим подлым агентам сую по миллиону – ищите, бляди! Вот они и ищут, закупают себе недвижимость и дорогие автомобили. Странно, на этот раз я почему-то был уверен, что меня не надули. Мне и сейчас кажется, что моя девчонка где-то здесь. Эти странные шорохи в долинах, благоухающие потоки воздуха, отзвуки какой-то драмы кружат голову, как будто клею надышался.

ФЭЙМОС.

Дело тут не в клее,
Мистер Гоурелли.
Дело тут в долинах,
Наших Мессалинах.

Здесь колоссальное эхо, сэр. Запахи снегов и отзвуки памяти тревожат тут всех, даже людей продвинутого возраста. Например, моя бабушка с материнской стороны – ну, конечно, вам она знакома по вашим изысканиям – княжна Мими, которой сейчас сильно за сто, постоянно рассказывает любовные истории из своего богатого прошлого.

ГОРЕЛИК

Скажите правду, барон, вы действительно сегодня целовали полуобнаженную девушку сзади в шею?

ФЭЙМОС

Конечно, нет. Я просто вас немного разыгрывал, мой слишком молодой друг. Дело в том, что я ожидал вашего появления. Дело в том, что я ведь по совместительству являюсь

мэром этого местечка. Так вот, мне звонили из Америки и сказали: «Ждите гостя. Выдает себя за ученого, а на самом деле ищет по всему миру какую-то бежавшую девушку».

ГОРЕЛИК

Больше ничего не говорили? Странно. Могли бы сказать, например, что я продал крейсер Китаю. Пошли бы они подальше, все эти Америки, России и Китай! Кому какое дело, за кого я себя выдаю, где я шатаюсь, кого я ищу? Я пускаюсь в финансовые махинации, повязываюсь с подонками бывшей гэбухи, просто потому, что пытаюсь стать хоть немного счастливым, а ведь что сказал Джефферсон: каждый гражданин имеет право на погоню за счастьем. Это совсем не значит, что он станет счастливым, как я понимаю, но на погоню-то я имею право как всякий незадачливый путешественник – не так ли? Еще недавно я считал себя участником молодежного движения, а теперь, когда движение покатилося вниз, а возраст повысился до тридцатки, я лишь стараюсь быть одновременно и богатым, и негодом. Неужели такой малости не подарит мне весь этот рок-н-ролл?

ФЭЙМОС

. *(Вылезает из фонтана, отряхивается, церемонно подходит к Горелику.)* Я вижу, вы светский человек с должной долей разочарования. Как светский человек светскому человеку я хочу сообщить вам приятную новость. Сегодня вечером наша община устраивает «Бал аристократов». Будут все, во всяком случае, все достойные люди, записанные в «Бархатную книгу».

ГОРЕЛИК

Это в честь чего же?

ФЭЙМОС

Не чего же, а кого же. Бал будет дан в честь вновь прибывшего романтика. Было время, когда романтик считался синонимом авантюриста. Сейчас не обязательно, но некоторые представители заслуживают повышенного внимания со стороны любителей литературы и театра.

ГОРЕЛИК

Это кто же?

ФЭЙМОС

Вы, милостивый государь. По непонятным мне причинам я питаю к вам истинное благорасположение. Не скрою, моя первая задача состоит в том, чтобы вернуть вас с пустых небес на великолепную землю. Поверьте, кроме призрачных или полупрозрачных, то есть полуодетых, женских фантомов, есть в наших краях и настоящие телесные девушки, олимпийские чемпионки и особы исключительной нравственной цельности. Вы можете составить с такими девушками, ну, например, с моей дочерью Софи, прекрасную пару. Девушка нежна и сильна. По натуре она золотоискатель души. Иногда, правда, копает слишком глубоко, но по склону проносится, как буря, в семейной же жизни проливает бальзам.

ГОРЕЛИК

Как интересно! *(В сторону.)* Это та, с которой мы уже договорились потрахаться.

Окруженная небольшой, но очень активной толпой, на сцене появляется Софи. Среди присутствующих мы видим почитай всех участников пьесы: двух репортеров, Воронцовфа и Оладу, присоединяющихся к толпе папу Фэймоса, Алешу фон Молчалина, Славу Горелика, а также Габи Нарда и его супругу, мадам Лиди. Шествие возглавляет Мими Кайсынкай-сацкая в кресле-каталке.

МИМИ

Город, встречай свою героиню! На сегодняшних прикидках по скоростному спуску Софи Фэймос показала недостижимое для соперниц время! Моя любимая племянница...

НАРД

Правнучатая племянница, осмелюсь я уточнить.

МИМИ

Какой же вы зануда, мистер Нёрд, ой, сорри, мистер Нард. *(Городам и весям.)* Моя родная племянница принесет в нашу долину свое второе олимпийское золото! И это будет наша простая русская девушка, баронесса Фамус! Пусть злые языки болтают о распаде аристократии, вот вам результаты налицо! Русские девушки, мы всегда были первыми, как в мощных атаках, так и в нежных капитуляциях! В тысяча девятьсот двенадцатом году я была первой дамой, прогулявшейся по Невскому в брюках «жюп-кюло». Толпа опознала меня как женщину-летчицу, хотела растерзать, но вмешалась наша армия. Полковник-душка был так хорош собой, а я, при всем моем суфражизме, была так легкомысленна...

ЛИДИ

(в сторону, громко). Года три назад этот полковник был всего лишь штабс-капитаном. Так, глядишь, и до генерала дотянет!

РЕПОРТЕРЫ

Пожалуйста, барышня Софи, расскажите о себе!

СОФИ

После сегодняшних прикидок склоны Килиманджаро у меня за пазухой.

ОЛАДА

У ей там за пазухой еще чтой-то есть, за что подержаться. *(Мамму.)* Правда, Лека?

МАММ

Ты чё, дядя Колян?

ОЛАДА

А чё?

МАММ

В лоб захотел?

ВОРОНЦОВ

(Мамму.) Отставить «в лоб»! *(Оладе.)* Ты не прав, Ник: кавалерам не пристало вслух о дамских запахах, тем более что дама – наша племянница, а тебя никакой прокурор за язык не тянет.

РЕПОРТЕРЫ

Барышня Софи, расскажите о себе больше. Правда ли, что в вашей личной жизни назревают серьезные перемены?

СОФИ

Вся моя личная жизнь – это спорт, без спорта не мню я себе личной жизни. *(Находит глазами приезжего Славу Горелика и глазами же показывает ему в сторону гостиницы. Горелик хохочет и идет куда показали.)*

РЕПОРТЕРЫ

Вопрос к тренеру несравненной Софи. Как вам удается при такой обоюдной активности наращивать еще индивидуальную активность? Ведь к нынешнему рекорду вы имеете непосредственное отношение, не так ли?

МАММ

А чё? Я барышню одел, проверил все оборудование и по попке шлепнул, она и пошла. *(Погружается в задумчивость.)* Пошла, значит, и пришла.

РЕПОРТЕРЫ

Скажите, барышня Софи, почему вы так быстро спускаетесь?

СОФИ

Вы знаете, я не знаю, почему я так быстро спускаюсь. *(Взбегает по ступенькам своей гостиницы.)* Спасибо тебе, мой верный народ! Говорят, что вечером будет бал, ну, значит, увидимся. А пока что мне надо проверять счета. Счета, счета, счета! *(Исчезает внутри гостиницы.)*

Габи Нارد отводит свою супругу мадам Лиди поближе к зрителям, чтобы те могли слышать ядовитый шепот.

НАРД

Ты понимаешь, что происходит, мой медок? Девица на глазах у всех скрывается в спальне незнакомца.

ЛИДИ

Бессовестная!

НАРД

Слишком мягко сказано, мой медок. Тут прокручивается хитро сплетенная интрига. Софи интригует своего возможного женишка, нашего племянника Алекса Мамма, и одновременно своих бывших (или настоящих) любовников – Воронцоффа и Оладу, которых она называет по-русски «дядя Жека» и «дядя Колян», а ведь они, как любому медведю известно, ничего не могут поодиночке, только всегда вдвоем.

ЛИДИ

Ах, мой медок, как это сильно закручивается! Беспутная особа пытается таким образом вытянуть из парней сведения о какой-то калифорнийской наркоманке, которую они, по довольно достоверным слухам, прячут в заброшенном бунгало за перевалом Инаксессибл Аксес.¹¹ Держись за что-нибудь, дружок. Сегодня в супермаркете я подцепила интереснейший слушок из международных кругов. В парижском «Геральде» промелькнуло сообщение, что за сведения об этой наркоманке назначено вознаграждение в один миллион, а за благополучную ее доставку в назначенное место – все десять миллионов!

НАРД

Ну вот мы и пришли к искомому корню интриги, к повелителю здешних мест нашему Фамусу. Ты ведь помнишь, что после смерти своей Парси, нашей дорогой Параскевы, которая сама по себе была довольно двусмысленной, Паша потерял интерес ко всем проявлениям жизни, кроме одного – к деньгам. В принципе, он всегда жаждал обобрать всю долину, посадить всех на полуголодный паек – хорошо, что нас защищает правительство, на алтарь которого я положил сорок лет сотрудничества, – ну а теперь он решил выйти на международный уровень, на котором за девушек предлагают такие деньги. Кстати, нет ли у тебя сведений о том бунгало на Недоступном Доступе?

ЛИДИ

Как раз сегодня после супермаркета я натолкнулась на шепоток в аптеке. Говорят, что оттуда прибежала незнакомая собака невероятных размеров, в общем, некое существо сродни тигру, но с человеческими глазами, а за ошейником у нее была обнаружена записка с двумя словами: «Помогите! Помогите!» Кто-то шепнул, что пса – он представился как Полкан – потом увел Алекс Мамм якобы для того, чтобы сделать ему нужные прививки.

НАРД

(дрожит от возбуждения). Ну вот изволь, мой медок, подтверждаются наши прежние догадки. Теперь ясно, что Джин и Ник действительно выращивают собак-мутантов и отправляют их в Колумбию для охраны кокаиновых склонов. И второе: не правда ли, странно, что записка попадает прямо в руки нашего Мамма? Быть может, и он интригует против своего хозяина в надежде вырвать у того согласие на брак с Софи, чтобы стать совладельцем банка? Ты видишь, всяк здесь в центре интригует против другого, но главным интриганом является...

ЛИДИ

Употребляй женский род, милочка. Главной интриганкой является Софка. Этой юной особе мало спортивных успехов – она хочет одновременно выйти замуж за всех мужчин

¹¹ От англ. Unaccessible Access – Недоступный Доступ.

мира и завладеть их... ну, капиталами. Она не видит в человеке человека. Для нее любой человек – это человек с этим или без этого. То есть с деньгами или без. Значит, она интригует против своего папочки, который влюбился на старости лет во что-то неопознанное, а также против своего Алекса и против дядьев по понятным причинам, а также и против приезжего незнакомца, с которым сейчас сладко спит или, вернее, спит сладко, в честь которого сегодня состоится бал.

НАРД

Лиди моя сахарная, если бы ты была просто красивой женщиной, я мог бы даже с тобой соскучиться, но ты моя единомышленница, вот что главное! Если не мы, то кого еще в этой долине можно назвать рыцарями морали?

ЛИДИ

Ходит также слух, что эта огромная собака Полкан является на деле альтер эго нашего банкира. Я уверена, что на балу многое выяснится, а пока что, посмотри, у фонтана сходятся Фэймос и Мамм. Ой, я умираю услышать их разговор! Где бы спрятаться?

НАРД

Давай превратимся в березы. Не будут же их пересчитывать в суматохе. *(Превращаются в березы.)*

Следует сказать, что в течение разговора супругов-сплетников все спортивные болельщики уже разошлись. Остались только Мамм и Фэймос. Они проходят на авансцену, чтобы их разговор услышали зрители.

ФЭЙМОС

Ну что, будущий зятек, какие у нас новости?

МАММ

Я не женюсь на ней. Дворянская честь мне не позволит сочетаться браком с юной распутницей, ввести в генетический код старинного рода пороки горнолыжного спорта.

ФЭЙМОС

Ты еще скажи, что Молчалины от Владимира Ясна Солнышка, а Фамусы-де лишь в шестнадцатом веке пожаловали в златоглавую, да и то с ненастоящим именем. Довольно, хватит с меня этих головоломок. Отныне я буду называть вещи только собственными именами. Могу себе позволить такую роскошь в свои семьдесят лет.

Пора лукавства миновала.
Сократ, будь ты моим цека!
Уединюсь на сеновале
С бокалом пламенных цыкут.

Очищай офис и проваливай, хам! Но прежде скажи, куда ты дел Полкана?

МАММ

А чё лаетесь, босс? По-русски говоря, чего хотите? Будем побеседовать или нет? Перехожу на язык бизнеса. Полкан отпущен в лес, для связи ему даден мобильный телефон. Вся банка данных на интересующую вас персону у меня в кармане. *(Вынимает «банку данных».)* Америка, а точнее, мой бадди Джимми Крукс, немедленно откликнулась. Джимми даже сказал: обращай почаще и по любому поводу. Итак, вот чем мы располагаем. *(Вытягивает из банки ленту и читает.)* Мстислав Игоревич Горелик, также известный как Юрий Попов, Поп Юрьев, Федор Васильев, Василий Федоров, Андрей Лебедев, Лебедь Андреев – последний паспорт выдан в Красноярске – вы, конечно, понимаете кем, – ну и, наконец, по свежим сведениям Америки, Бенни Манделл, родился в 1966 году в городе Сент-Пит Ленинградской губернии. Происходит из потомственных марксистов частично еврейского происхождения. В 1986 году, будучи студентом университета ЛГУ, увлекся философией, за что был позднее

арестован. Провел за решеткой КГБ три года, которые, как он однажды выразился, «прошли как три дня». В 1991-м, освободившись, вступил в Коммерческий Союз Молодежи, то есть комсомол. В 1991-м же стал известен тем, что купил колонну грузовиков с цементными блоками и использовал их для защиты Белого Дома (Москва, не Вашингтон) от танков. 1992-й и 1993-й, как там выражаются, прошли под флагом приватизации. По некоторым сведениям электронных ведомств, мистер Горелик участвовал в приватизации большого числа боевых кораблей Северного флота для дальнейшей их продажи в еще недостаточно развитые страны. Для отвода глаз организовал общество борьбы за чистый воздух, то есть против выхлопа человеческих газов. Последующие годы заполнены хаотическим передвижением по разным странам мира, скупкой недвижимости и анархической благотворительностью.

Основные достоинства мистера Горелика: мужская внешность – больше никаких. Основные недостатки мистера Горелика – неумеренное злоупотребление шампанским, лицами женского происхождения, а также на неумеренной скорости эбьюзает¹² дорогие машины.

Эмоциональные вспышки. Не всегда ясная речь. Появления под видом других личностей.

По недавним сведениям, мистер Горелик стал одержим непонятным по силе чувством к гражданке СССР Наталье Ардальоновне Светляковой, также известной как Какаша, 1973 года рождения, проживающей нелегально на территории США и подлежащей розыску.

В целом Америка считает, что и сам мистер Горелик подлежит розыску и аресту для передачи его нашим коллегам в России.

ФЭЙМОС

Эка хватили – парень не виноват, что у него гены так странно закручены. Признайся, Мамм, концовку ты от себя добавил?

МАММ

Босс, все на ваше усмотрение. Многовековое чувство достоинства не позволяет мне сводить счеты с вероломным созданием, чемпионкой ОИ. Пусть ее очередной избранник обладает великолепной мужской внешностью, он, я уверен, не обладает мужской внутренностью. Я мог бы его вызвать на дуэль, как это делали мои предки, но разве я могу драться с евреем?

ФЭЙМОС

А чем евреи не люди? Между прочим, Владимир Соловьев и Лев Николаевич Толстой относились к евреям очень снисходительно. Я уверен, что с ними можно драться и даже подстреливать. Нет-нет, я тебе ничего не советую, ты должен сам подумать. Ну, в общем, можешь вернуться в свой офис. Ради памяти о твоём отце, с которым мы вместе служили в 82-й авиадесантной, я тебя прощаю. *(Забрав «банку данных», уходит.)*

Следует сказать, что во время этого диалога две искусственные березы постоянно обнаруживают свое присутствие если не участникам сцены, то зрительному залу. В частности, они комментируют происходящее короткими репликами: «Измена!», «Ревность!», «Мошенник!», «Дуэль!», «Еврей!», «Это была не 82-я, а 83-я, и не авиадесантная, а обычная!». После ухода Фэймоса «березы» застывают, демонстрируя извечную российскую скромную красоту, но только с выпяченными задницами.

Некоторое время на сцене находится один Алекс Мамм, если не считать двух репортеров, которые нацелили свои камеры и микрофоны на окна гостиницы. Мамм прислушивается к ритмичному поскрипыванию и спорадическому повизгиванию, доносящимся из гостиницы. Заметно, что здание начинает потряхивать.

МАММ

¹² От англ. abuse – злоупотреблять, оскорблять.

Землетрясение, что ли? Земля, что ли, пустилась в пляс? Аллах с ней, пускай трясется. Главное все-таки устоять на ногах. (*Уходит.*)

Появляется Какаша. Ее трудно узнать. В роскошной шубе она выглядит как красавица из шикарно-спортивных кругов. Из гостиницы в это время доносится вопль чемпионки.

КАКАША

И здесь трахаются! Везде, везде они только и делают, что трахаются. Ни одно млекопитающее не трахается так часто, как человек. Детородная функция давно стала второстепенной. Первостепенной стала жажда сласти. Не страсти, а сласти, говорю это как профессионалка секса. Первичный инстинкт превратился в эротическую наркоманию, если только он изначально не был таковым. Даже толстые дядьки и тетki бесконечно трахаются друг с другом. Что касается юных и красивых, к которым я отношу и себя, то они уже давно превратились в сексуальные машины. С пятнадцати лет я знаю, что при первом же взгляде на меня любой мужчина любой расы, любого возраста и любой степени уродливости прежде всего думает: как бы ее трахнуть. А если подсчитать, сколько раз за десять лет я отдавалась этим козлам, можно задохнуться от отвращения. И далеко не всегда по принуждению или для денег. Будь уж откровенна сама с собой, гёрл, ты тоже жаждала сласти, приторной патоки, которую ты хаваешь всеми открытыми частями тела по мере истечения из тебя той же самой сахарной липкой секреции, которую человечество любит больше шоколада. Вся эта сладость, и едальная, и ебальная, одурманила всех на этой планете, почти без исключения – вот она и есть основа первородного греха. Как я хочу прекратить трахаться и завязать со жратвой! Тело мое, в которое я была так влюблена прежде, теперь становится моей обузой.

Пускай избыток шоколада
Течет к сладене-шаху, ну,
Бараний бок уже обглодан —
Теперь он требует шахну.
Позвольте, где же упование
Любви, надежды нежный смех?
Дрочишь в забытой Богом ванне
И гладишь собственный свой мех.

Ой, что я тут бормочу, бессовестная, богохульная? Ведь если уж дана нам такая забава, значит, неспроста. Ведь были же, наверное, моменты в человеческой истории, когда ангел, падший или парящий, какой-нибудь холозагор или олеожар, одним словом, некий мощный демиург трахал девушку и все о ней знал? Когда я торчу на чем-нибудь, будь это хоть презренный клей «Балт-Флот», я вспоминаю Славку Горелика как вот такого демиурга. Только раз в своей жизни я уловила разницу между сладостью и страстью. Та наша единственная ночь, после которой его замели органы, кажется мне, имела какое-то отношение к истории тварей, еще не написанной истории сущего; вот вам и философ из гребного клуба, где он сторожем промышлял себе на анашу. Мне не забыть никогда ни одного из тех моментов, что обрушились на нас, словно пчелиный рой, одномоментно стараясь обжечь и внутри, и снаружи. Путаница моментов, и все остаются в памяти.

Какая же я была дрянь, молокососка! Как я могла выйти замуж сразу за двух американов – Жеку и Коляна? Но почему я, такая дрянь, чем дальше, тем глубже вспоминаю ту ночь со Славкой на Елагином острове? Почему мне все время кажется, что он появится, хотя он пять лет уже не появляется? Дура, вдолбила себе, что если он появится, значит, не совсем еще засосала сладость людская со всей ее параферналией: кондомами, пружинками, пилюлями, подмывками и полосканиями... – что мы вдвоем с ним, только с ним, окажемся в объятиях страсти, не знаю уж какой, земной или небесной, во всяком случае, той, какую жду.

Жду, как дура. Ну... какого черта я сюда приперлась, в Березань? Надо было сразу, как только оторвалась от мужей со всей кучей денег, линять в аэропорт, а вместо этого отправилась по модным бутикам и вот теперь в полном прикиде сижу у фонтана, превращаюсь в сосульку и разглагольствую. А ведь в любую минуту могут мужья налететь, начнутся мольбы, намеки на харакири. Нет, ваши сиятельства, цепь больше не защелкнете на гордой шее! С этими двумя лимонами в сумке я уж Славку обязательно найду! Правда, Полкаша? Бесценный мой друг, ты один ко мне пылаешь платонически! Если бы не ты, не смогла бы я оторваться от мужей. Отзовись, мое золото!

ГОЛОС ПОЛКАНА

Ав-ав-ав-авангард!

*В этот момент одно из окон гостиницы с шумом распахивается. Из него олимпийской кошкой ловко выпрыгивает **Софи**. Вслед за ней вылетают ее чемпионские ботинки.*

СОФИ

Прощай, луна моя дневная, золотой принц, чао-чао!

В ответ слышится сильный мужской храп.

Софи подбирает свои ботинки и смеется, смеется. Идет босиком по снегу, превосходная и счастливая.

Вдруг видит одинокую фигуру Какаши и застывает на ходу. Две юные женщины долго смотрят друг на дружку, разделенные пятью годами жизни, соединенные чем-то, о чем они только могут догадываться, пойманные в сети триумфов и позоров. Софи с силой рвет «сеть» и уходит. Наташа, подгибаясь, волочась, потом выпрямляясь и гордясь, улетает в сторону горы и исчезает.

РЕПОРТЕРЫ.

Какие кадры, елки-палки!

Она летела, как газель!

В восторге будут даже волки

Российских фирменных газет!

Конец первого акта

Антракт

В АНТРАКТЕ К ВАКСИНО ПОДХОДИТ МОЛОДОЙ ЛИТЕРАТУРОВЕД, ЖГУЧИЙ И ЖИРНЫЙ БРЮНЕТ. НА КОГО-ТО ПОХОЖИЙ, МЕЖДУ ПРОЧИМ. ТОЧНЕЕ, СЫН ВАКСИНОВСКОГО ПРИЯТЕЛЯ.

ЧТО ЭТО ВЫ ТУТ НАГОРОДИЛИ, СТАС АПОЛЛИНАРИЕВИЧ? ЗАЧЕМ ВАМ ЭТА ТИПА ДРАМА?

(ОТКУДА ТАКАЯ НАГЛОСТЬ У ЭТИХ ЖИРНЮГ?)

ОТ ВАС НЕ ЭТОГО ЖДУТ.

(ПАПАША В ЭТОМ ВОЗРАСТЕ И ПУКНУТЬ НЕ СМЕЛ, А ЭТОТ СРАЗУ НА ВСЕ ФОЙЕ.)

ВОТ КРИТИК ГОВНОВОЗОВ ТОЛЬКО ЧТО МНЕ СКАЗАЛ: ВАКСИНО ВСЕ ХОРОХОРИТСЯ, ДЕЛАЕТ ВИД, ЧТО НЕ ИСПИСАЛСЯ. ОТ НЕГО СОВСЕМ ДРУГОГО ТИПА ЖДУТ.

ЕСЛИ ВООБЩЕ ЖДУТ ЧЕГО-ТО.

(ГДЕ? КОГО? ЧЕГО? КАКОГО ХЕРА?)

НУ, МЕМУАРОВ, ПРИЗНАНИЙ, ТИПА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАПИТУЛЯЦИИ, ЭТО ЦЕНИТСЯ.

(КАК ЭТО МОЖЕТ БЫТЬ, ДОСЛОВНО – ГОВНОВОЗОВ?)

ДА ВОТ ОН ТАМ, В УГЛУ, СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНОЙ У БУФЕТА.

ВАКСИНО СМОТРИТ, КУДА ПОКАЗЫВАЮТ, И НИКОГО ТАМ НЕ ВИДИТ, КРОМЕ ЗДОРОВЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ, КУШАЮЩЕЙ КУСОК КУРЫ.

(ТАМ НЕТ НИКАКОГО КРИТИКА МУЖСКОГО РОДА, ОДНА ТОЛЬКО ФЕМИНА СТОИТ С ЕДОЙ.)

ЧОРСКИНД ВГЛЯДЫВАЕТСЯ ВНИМАТЕЛЬНО В ЛИЦО ВАКСИНО.

Я ВИЖУ, ВЫ СОВСЕМ НЕ В КУРСЕ НАШЕЙ ОБСТАНОВКИ, СТАС АПОЛЛИНАРИЕВИЧ. НАПРАСНО ОТМАЛЧИВАЕТЕСЬ.

(СЛЫШИТЕ – ЗВОНОК. ПАПАШЕ ПРИВЕТ, МАМАШЕ ПРИВЕТ!)

ОНИ РАСШАРКИВАЮТСЯ: ВСЕ-ТАКИ ПОРЯДОЧНОЕ ВОСПИТАНИЕ.

Акт второй

Сцена представляет собой все ту же главную улочку поселка Березань, однако за время антракта в ней произошли разительные изменения: сошли снега, расцвели своей скромной, но неотразимой красой березы, забил фонтан, все окна и двери открылись. Иными словами, классическая триада (единство времени, места и действия) слегка нарушена: за несколько часов, прошедших с утренних событий, Березань оказалась в иной климатической зоне. Гора, впрочем, по-прежнему бела. Там работает подъемник и проскальзывают вниз фигурки лыжников.

Сумерки. Бал развивается вокруг фонтана, над которым развешаны гирлянды ламп. В глубине пространства – бар с двумя тульскими самоварами и медный квартет. В своей интерпретации он исполняет «Весну» Антонио Вивальди.

*Слева от фонтана хозяева – барон **Фамус** и его дочь **София**, а также почетный гость д-р **Слава Горелик**, он же Бенни Манделл. Приглашенные цепочкой тянутся к этой тройке для обмена светскими приветствиями, мужчины все в таксидо, женщины – декольте. Те, кто уже прошел, располагаются по всей сцене в соответствующих позах. Они не входят в число наших персонажей, а представляют собой лишь манекены раута, молчаливые и неподвижные. Их можно время от времени брать под мышку и переставлять для создания мизансцен.*

ФЭЙМОС

Ну, Слава Горелик, без пяти минут родственник, сейчас к тебе приближается женщина-легенда.

ГОРЕЛИК

(очень живо). Где?

*Публика расступается, торжественно в своем кресле подъезжает **Мими**.*

ГОРЕЛИК

Я счастлив познакомиться с вами, княжна Мими!

МИМИ

(холодно). Чему обязана?

ГОРЕЛИК

Во-первых, вы для меня ходячая, то есть, я хотел сказать, катящаяся, легенда. Я столько времени провел в архивах, изучая ваше происхождение, но не подозревал, что вы по-прежнему столь живы. Какая комбинация генов! О, это блистательное соединение воевод-рюриковичей с басурманской элитой и затем с британским кланом, известным со времен короля Артура!

МИМИ

(по-прежнему с холодкам, но уже не так сурово). А во-вторых, мон шер?

ГОРЕЛИК

А во-вторых, Серебряный век, мадам. Насколько я понимаю, вы как молодая красавица тех дней входили в круг княжны Саломеи Андроникашвили, не так ли?

МИМИ

(довольна). Не я входила в ее круг, а как раз наоборот. Ее мы принимали. Судейкиной, однако, от ворот поворот. Хорошенькая мордашка – еще не индульгенция. Именно на ней висит вина за трагедию с общим любимцем, нашим Адонисом. Вы, конечно, знаете, кого я имею в виду?

ГОРЕЛИК

Ну конечно, Вячеслава Князева. В Санкте, княжна, сейчас все опьяняются Серебряным веком.

МИМИ

Никакого Серебряного века не было. Были серебряные ночи, и гвардейцы метались по девичьим квартирам. Кстати, мистер Горелик, вам никто не говорил, что вы похожи на нашего Адониса? Только волосы у того были жидковаты, а у вас-то такая крепкая копна, так и хочется потрепать!

ГОРЕЛИК

Извольте, буду счастлив. *(Подставляет голову для трепки; княжна с удовольствием осуществляет свое желание.)* Не слабо, мадам. Копна все-таки цела. Она у меня от евреев.

МИМИ

Э, нет, дружок, это у тебя от казаков. Казачья у тебя куделя, мон шер.

ГОРЕЛИК

Правда ли, мадам, что в Гражданскую вы скакали с конниками Шкуро?

МИМИ

Я была командиром одной из «волчьих сотен». Мы партизанили, как Мишель Лермонтов, на Кавказе. Красные кочаны летели веером под нашими саблями! Кто бы сказал, что под старость лет я стану такой завзятой большевичкой!

ГОРЕЛИК

Замечательно! Ново! Значит, вы большевичка?

МИМИ

Есть грешок. Господа, наш гость живо напоминает мне Яшу Железнопартизанского! Когда меня привели на допрос, я увидела отличного самца в кожаной куртке и в малиновых галифе из портьер. Я думала, сейчас всем скопом начнут насиловать, но Яшка-душка один меня увез на свою квартиру. Правда, поработал за весь штаб, ха-ха-ха! Вот, может быть, тогда и зародился мой большевизм. Ну хорошо-с, а чем вы, мон шер, собираетесь заняться на нашей горе?

ГОРЕЛИК

Я собираю материал о рассеянии российской аристократии за рубежом и в бывшем Советском Союзе. Гарантирую отсутствие сарказма. Произойдет компьютерное воссоздание отечественного красавца, генеалогического баобаба. Надеюсь на вашу помощь, мадам.

МИМИ

Благородная задача! А на самом деле, друг, что привело вас сюда?

ФЭЙМОС

Ах, гранмаман, в молодости не всегда знаешь, что тебя ведет.

СОФИ

На самом деле он здесь олимпийскую чемпионку хочет похитить.

ГОРЕЛИК

(машет руками). Уж вы тоже скажете, барышня Софи!

Все добродушно смеются. Мими прокатывается дальше к буфету. К хозяевам и гостю подходит наша пара журналистов; по всей вероятности, оба они на поверку окажутся девушками.

РЕПОРТЕРЫ

Привет, мистер Гоурелик, от газеты «Дейли слип»! Значит, вы тоже аристократ, как все тузы Бёрчтри-Вэлли?

ГОРЕЛИК

Берите выше, пацаны, я не аристократ, я авангардист-структуралист.

РЕПОРТЕРЫ

Святая корова, а это еще что такое?

ГОРЕЛИК

В том смысле, что я структурирую новую утопию взамен подохшей.

РЕПОРТЕРЫ

Холи кау, а это еще что такое?

ФЭЙМОС

Вас в Беннингтоне этому не учили? Ну, давайте-давайте, ребята, проходите! За вами еще хвост на полкилометра.

Подходят князь Гаврила Нардин-Нащокин и его супруга Лиди.

ФЭЙМОС.

О друг наш Менделл
Славный Бенни,
Позволь тебе представить здесь
Прекрасную, как торт миндальный,
Чету Нащокиных. Он князь.

ЛИДИ

(оскорблена). Как будто я не князь! Ради рифмы у нас нередко несут вздор.

ГОРЕЛИК.

Нардин-Нащокин,
Боже правый,
Не верю я своим ушам!
Сей звук звучит, как артишоки,
Как пальмы грива
В роще славы.
Как к пиву чудо-черемша!

НАРД

Черемша моих предков, то есть я хотел сказать, череда моих предков, милостивый государь, представляет собой не что иное, как симфоническую процессию истинных патриотов.

ГОРЕЛИК

Вот именно, симфоническую! Прошу меня простить, князь, но мой долг исследователя заставляет меня задать вам один мимолетный вопрос. Знакома ли вам фамилия Дудделдорф?

НАРД

Что-то не припомню. Однако должен добавить, что, в отличие от всякой хлестаковщины, мы, Нардин-Нащокины, всегда несли свои депозиты на алтарь отечества.

ГОРЕЛИК

Прошу прощения, в ваших семейных хрониках, по какой-то причине засекреченных ЦК КПСС и рассекреченных упрделами эрэф, в доме большого орла, сударь, Двуглавого Феникса, с вашего позволения, есть запись примечательного события. В самом начале Петровской эры воевода города Кружка и Кружковской губернии, его сиятельство князь Блажен Нардин-Нащокин, хоть еще и не названный губернатором, но в огромном парике и с хвостом шпаги-стрекулистки, отбыл из России во главе царской миссии к венскому кесарю.

Странно, что записи о его возвращении не обнаружено. Скорее всего, она засекречена огэпэу, а их секреты в доме большого орла до сих пор святыня, сударь. Дело в том, что ваш предок утек в Европу, как какой-нибудь наш простой советский невозвращенец. Так что поздравляю, сэр, у вас в роду был герой, настоящий антисоветчик.

Мне, однако, удалось выяснить, что князь, скрываясь под фамилией Дудделдорф... Фэймос, давай рифму на Дудделдорф!

ФЭЙМОС

Дудки дроф.

ГОРЕЛИК

На худой конец сойдет, на толстый не влезет. Короче, он стал основателем большой австрийской семьи, и все они из поколения в поколение играли на литаврах в Венском симфоническом оркестре. Он страстно хотел, чтобы его потомство забыло о своих русских внутренностях, но почему-то во всех поколениях там находились русские патриоты, включенные в симфоническую процессию, о которой вы упоминали.

НАРД

Да-да, припоминаю, там есть один Дудделдорф, который занимается реставрацией русского антиквариата. Но что из того?

ГОРЕЛИК

Ну, скажем, не реставрацией, а изготовлением подделок, однако ведь и в этом есть что-то патриотическое, не правда ли?

ЛИДИ

(*мужу*). Он над нами издевается! Ну подожди, сейчас я ему устрою! (*Горелику*.) Послушайте, любезнейший, не принимайте нас за простаков. Многие из нас поддерживают непосредственную связь с Ленинградом.

ФЭЙМОС

Ты хотела сказать – с Санктом, душка Лиди, с Санкт-Петербургом?

ЛИДИ

Для меня он всегда Ленинград. (*Поет.*) «Гоурод нат шамно Наевоу, гоурод нэш хи славик боуи-вой»... Я там спросила про вас, а там говорят, что вы совсем не тот, за кого себя выдаете. Вроде как у Пушкина, ревизор-инспектор. Маша Волчицына, например, сказала, что вы сбежали с-под стражи, *c'est vrai?*¹³

ГОРЕЛИК

Княгиня, вы мне как раз напоминаете эту Машку Волчицыну с Аптекарского острова. Такая же тяжелая рыжая кошка.

ЛИДИ

Пжалста?

ГОРЕЛИК

Мне нравится брать таких кошек под пузо.

ЛИДИ

(*почти истерически*). Пжалста?

ГОРЕЛИК

Фэймос, рифму на «пжалста»!

ФЭЙМОС

Пожалуйста – жимолость.

ГОРЕЛИК

Вот это уже рифма гиганта.

ЛИДИ

(*мужу, в крайнем возбуждении*). Ты слышал – ему нравятся тяжелые рыжие кошки! Он любит брать их под пузо!

НАРД

(*глуховато*). Пжалста?

Наступает очередь Алекса Мамма.

ФЭЙМОС

¹³ Это правда? (*фр.*)

А это просто один из наших служащих, Алекс Мамм, но из старинного рода фон Молчалиных.

ГОРЕЛИК

Позвольте заметить, что до пятнадцатого века они были Мамчачалины, но потом во время набега хан Мамча угнал один слог, что и дало возможность образовать нынешнюю шикарную фамилию, не имеющую никакого отношения к молчанию.

МАММ

Я не «один из», босс! Я жених вашей дочери!

СОФИ

И то и другое, дурачок, – ты один из женихов.

ГОРЕЛИК

Да, мы уже спотыкались друг о друга в самом начале.

МАММ

В самом начале чего?

ГОРЕЛИК

Да пьесы же, конечно.

МАММ

Какой еще пьесы?

ГОРЕЛИК

Ты хочешь сказать, что принимаешь все это всерьез?

МАММ.

Жизнь для меня – не лицедейство
И не шумиха, не успех.
Пусть вслед мне скажут без лакейства:
Во имя принципов усоп!

СОФИ

(мгновенно бледнеет). Ох! (Краски возвращаются.)

*Как два воплощения мужской элегантности приближаются **Воронцов** и **Олада**.*

ФЭЙМОС

Перед вами еще два представителя наших знатных родов – граф Воронцов и князь Олада. Не исключаю, что вы с ними, доктор Горелик, успели уже познакомиться. Не исключаю даже, что нашли много общего в жизненных интересах.

ВОРОНЦОВ

(молча кивает).

ОЛАДА

Имею честь.

ГОРЕЛИК

Браво! Колян лучше выступил, чем Жека. Я всегда предпочитал князей графам. Князья ведь идут от самих варягов, а графьев стало раздавать правительство по мере роста бюрократии. Далеко не отходите, ребята, есть тема для сильного триалога.

ФЭЙМОС

Ну, довольно этих представлений. Так мы до утра не перейдем к следующей картине. *(Выходит в центр, поднимает бокал шампанского, обращается к собравшимся.)* Дамы и господа, уважаемые «овичи» и «овны»! Сегодня мы приветствуем в нашем «Геральдическом клубе Берёзанской долины» нашего почетного гостя – доктора исторических наук Горелика, также известного в некоторых кругах Америки под именем Бенни Менделл. Несмотря на молодость, а может быть, даже и благодаря ей, доктор Горелик успел воплотить в себе иные

примеры из нашей классической литературы, без которых невозможно воспитание нашего юношества, что может подтвердить и дочь моя Софи. *(Выпивает бокал и тут же берет второй.)* В принципе, мы можем приветствовать его дважды и трижды, если не десятижды, как историка знатных родов России и как представителя молодого поколения, близкого к Государственной Думе.

Мы, русские американцы дворянского происхождения, хотя и не можем по закону этой страны употреблять наши титулы, носим в себе двойной заряд патриотизма, умноженного в квадрате. Мы, рыцари России, были везде, где красная зараза начинала набирать силу. *(Ищет в толпе Нардина-Нащокина.)* Ты помнишь, Нардишка, дороги Вьетнамщины, сколько русских там полегло «охотников на оленей»! И сколько традиций взорлило! *(Поет со слезой.)*

Сыны традиций этих старых,
Не пожалели мы костей,
Меняя ментики гусаров
На парашютных войск костюм.

В те дни воздушная пехота
Под гордым стягом Stars & Stripes¹⁴
Не пожалела б и енота,
Когда б он в дырку пулемета
Вдувал кощунственную страсть.

Вьетнам! Как много в этом звуке
Ловил боец и гражданин,
Стреляя из родной базуки,
Не стал от страха он заикой,
А умер средь родных ржанин!

То есть в Новом Гемпшире, Нардинка, на родине, как ты это сделал. Как тебя мне не хватает, родной Нардинка!

НАРД

(громким шепотом). Как хватанет шампанского, так ему кажется, что я с ним воевал во Вьетнаме и умер среди каких-то «ржанин». Неискренний человек!

ФЭЙМОС

(продолжает). В вашем лице, Святослав, простите, Вячеслав, виноват, Славослав, или как там – спасибо за подсказку, мой добрый Мамм, Мстислав – что за имя такое, почти как у Ростроповича, – мы приветствуем Златоглавую Париж, нет, не то, Златошпильную Лондон, ну, в общем, Петроленинград, или, как вы его хорошо называете, город Санкт, эту колыбель хама и усыпальницу хорошо воспитанных.

Софья, моя юная дочь, надежда горнолыжного спорта по обе стороны Атлантики, призналась отцу, что – цитирую – «хотела бы вечно закладывать виражи с этим парнем». Я очень рад, что Софья и Слава в рекордно короткий срок нашли общий язык.

При этих словах Алекс Мамм роняет стакан, Колян и Жека тихонечко в рукав делают «бу-бу». Софи волнообразно, будто на склоне, пошевеливает бедрами. Слава выстреливает пробкой шампанского в своих соперников, обладателей Какаши. Нард и Лиди бросаются к

¹⁴ Звезды и полосы (намек на американский флаг) (англ.).

обеим ушам гранмаман. Репортеры ослепляют все общество мощной вспышкой. Под мышкой у Фэймоса пронзительно звонит телефон. Слышится голос неведомого Полкана.

ГОЛОС ПОЛКАНА

Полкан еси. Не искать, порву. Ее ищу. Ее отсутствует. Ав-ав-ав, авангард!
ФЭЙМОС.

Фонтан любви, фонтан живой,
Спаси от наважденья,
От скорбной участи живца
В струях воображенья!

(Влезает в фонтан.)

ГОРЕЛИК

Да что вы, господа, как нерусские, пьете местную дрянь? Софка, скажи, чтоб французского тащили – «Татинже» или что там есть. За всех плачу! А теперь позвольте мне высказаться в манерах вээмпээса, то есть великого, могучего, правдивого и свободного. Я очень рад, что эти типа динамичные репрезентаторы этой фуа так быстро как бы экстраполируют типа сходную химию, как бы взлетают так ракетно-небесно типа ввысь, все сплетни как бы прочь и соединяются типа харизматически свои духовки типа духа!

ОЛАДА

(задохнувшись от восхищения). Во как излагает! Трудно с ним будет!

ВОРОНЦОВФ

Оставь! Покончим с ним, найдем ее, уедем втроем в Самотлор, откроем ателье бытовых услуг...

ГОРЕЛИК

(окружен толпой поклонников). Господа, дамы! «Овичи», «овны»! Каждый из вас может заказать свое генеалогическое древо в нашем институте по адресу: проспект Стачек, 19 дробь 17, квартира 19 дробь 91. Мы перешли на коммерческую основу, и все заказы принимаются.

МИМИ

Почему он ко мне не подходит? Ко мне всегда подходили молодые офицеры. В любом возрасте я получала знаки внимания от молодых офицеров.

ЛИДИ

Вы знаете, гранмаман, ему нравятся тяжелые рыжие кошки.

НАРД

Признался, что любит брать их под пузо. Не скотоложец ли?

МИМИ

Ах, вздор, он просто влюблен в кого-то, о ком не говорит.

ГОРЕЛИК

Цены невысокие, господа. Начиная от пятнадцати косых за древо. В пакете с косметической подтяжкой лица, достопочтенные, с перелетом в Санкт и обратно. Что касается звезды нашего вечера Мими Кайсынкайсацкой-Соммерсет, то она получает весь пакет бесплатно!

Мими начинает кружить на своей каталке, да так лихо, что в конечном счете вылетает в объятия к вальсирующему Славе и вальсирует с ним.

Каталку немедленно занимает барон Фамус, выбравшийся из «фонтана любви».

Запыхавшийся Горелик оставляет неутомимую Мими и наталкивается на суровую Софи.

СОФИ

Ты почему ко мне не подходишь? Разлюбил?

ГОРЕЛИК

Сонечка, ведь мы же не договаривались о любви, ведь мы же договаривались просто потрахаться – не правда ли? Вроде как в гору и с горы, так? И гореть ведь мы не договаривались, не так ли?

СОФИ

Что ты несешь, несчастный?

ГОРЕЛИК

Вот именно: я несчастный, не влюбляйся в меня. Ведь я же Горелик, то есть лик горя.

СОФИ

(испуганно). Сумасшедший!

ГОРЕЛИК

Наконец-то ты догадалась. Сейчас я расскажу обо всем в форме баллады. *(Берет гитару.)* Господа, по примеру вашего мэра, когда мне трудно что-нибудь объяснить, я берусь за гитару. Баллада называется «Девушка из метро». Итак, пою.

Итак, она звалась Какашей.

Впервые именем таким,

Чудным любому кашалоту.

Мы героиню наградим.

Узри ее в воротах Нарвских,

Среди колонн мелькнет она.

Так тешил на тюремных нарах

Себя греховный сатана.

С толпой лихих волчиц соблазна

Там, на закате эсэсэсэр,

Она, «систему» всю облазив,

Грустит печалью, dear Sir.

Мне хочется живого, девы,

Хочу на остров ярких глаз,

Чтоб из воды, а также с неба

Звезда сверлила, как игла.

Что привело тебя, Какаша,

В клуб гребли и других утех?

Там милый мой живет алкашник,

Там ждет меня страстей кутеж...

Два диких мужских крика прорезают стильную атмосферу Березани.

ВОРОНЦОВ

Я не могу, не могу, не могу слушать эту песню! Замолчи, негодяй!

ОЛАДА

Славка, заткнись, попросишься!

ГОРЕЛИК

Ну, теперь давайте разбираться! *(Быстро подходит к двум друзьям и отводит их, едва ли не подталкивая, к фонтану.)* Где мои два лимона? Где искомое?

ОЛАДА

Како тако насекомое?

ГОРЕЛИК

Девушка моя Какаша, Светлякова Наталья Ардальоновна. Я знаю, что вы ее кид-непнули из Вирджинии, предварительно разгромив притон в Калифорнии, за это вам полагаются две российские медали; вот вам две медали от Двуглавого Феникса (*несмотря на сопротивление, втыкает в смокинги медали*), а я за нее дал вам два лимона. Теперь отдавайте! Ну, где она?

ВОРОНЦОВ

Она в наших сердцах.

ГОРЕЛИК

Ошибаетесь, она в моем сердце!

В это время на основной площадке гости делают вид, что увлечены светским приемом, на самом же деле у всех уши на макушке.

МИМИ

Что там происходит?

НАРД

Старо, как мир, – они спорят из-за девки.

ЛИДИ

А ново то, что наши аристократы женились на ней вдвоем.

МИМИ

Вдвоем? Законным браком? За буераком? Разве это возможно?

НАРД

В России сейчас все возможно.

ЛИДИ

(с бешеной скоростью выкладывает все по данной теме). Из самых достоверных! У тех был роман. Его посадили. За переоценку ценностей – там это называлось фарца. А тут наши появились, Ник и Джин, все помнят, конечно, они опустошили свои счета и отправились на историческую родину как богачи-аристократы. Девица своего потеряла, с нашими заигралась. Мальчики влюбились, как бешеные, потому что таких раньше не видели. Пошли в мэрию, там это называется загс, это от слова «загост», и зарегистрировали свой *menage a trois*.¹⁵

Вы же помните, гранмаман, они же с детства были неразлучны, их даже одно время считали гомиками, уважали. Потом они потеряли эту девицу, а она отправилась в Америку их искать. Она работала потаскухой – это от слова «стаскивать», то есть *to strip*, а потом ее продали в рабство. Тогда наши развелись со своими супругами – все помнят, конечно, трагедию Шарон и трагикомедию Карен – и отправились ее искать. Мы не можем без нее ни жить, ни умереть – так признавались они бармену Тэду в баре «Тэддлби». Вот вам завязка этой истории со скоростью слалома.

МИМИ

Так вот почему у нас уже давно барахлит электричество и водопровод пукает.

Между тем у фонтана развивается кульминация драмы.

ГОРЕЛИК

Я знаю все, мне друг ее Полкаша все поведал, но обо мне ей он почему-то не хочет говорить. Ну ладно, давайте договоримся так: деньги остаются у вас, но вы просто исчезаете со сцены. Отправляйтесь снова в Россию, найдите себе нового кадра. Что касается Какаша – подавайте на развод, гады, или вам не жить!

¹⁵ Брак втроем (*фр.*).

ВОРОНЦОВ

Послушайте, нувориш, вы все-таки не забывайте, с кем имеете дело. У вас, может быть, денег много, но чести мало, малопочтеннейший. Перед вами все-таки русские аристократы и американские граждане. Перед вами поколение Вудстока! Мы с Ником вдвоем служили в сверхсекретном русском батальоне! Готовились к штурму Лубянки. Вы там безобразничали, разрушали великую державу, а мы как-никак приносим ежедневную пользу нашим согражданам на ниве двух важнейших для жизни течений. Ник, ну что же ты молчишь, ничего не делаешь? Пора с этим кончать.

ОЛАДА

Славка, в натуре, ты однозначно не прав. Однозначно! Мочить нас собрался? Опоздал, товарищ, мы сами тебя приговорили, а нас все-таки двое, и в батальоне нас учили приемам атаки. Ну, Джин, что ты только языком работаешь? Давай, руби, вариантов теперь нету.

ВОРОНЦОВ

(в отчаянии). Не могу. Не так я воспитан. Даже ради нашей великой любви не могу мокрым делом рук пачкать.

ОЛАДА

(преисполнен мрака). И я не могу. Однозначно. Убив его, мы и любовь свою убьем. Поправьте, если не прав.

ГОРЕЛИК

(с притворным весельем). Ну вот, заладили, «не могу, не могу». Давайте я вам помогу. Вызываю вас обоих на дуэль! Ну что же вы, пацаны, так обалдели? Дуэль за прекрасную даму – разве это не в лучших традициях? Ведь это же не убийство, ведь это же в кодексе чести!

ВОРОНЦОВ

Выход действительно найден, все решит дуэль. *(Берет себя обеими руками за горло и замолкает.)*

ОЛАДА.

Прощай, душевная услада.
Решенье найдено – дуэль!
Все мифы к черту в ад услали,
Миф пропадает. Целься в цель!

(Вытирает слезы.)

Фонтан затемняется, высвечивается бал. Тревожное танго. Все прислушиваются к шороху листьев.

СОФИ

(Мамму). Он сумасшедший, ты разве не понял? А то, что ты принял за землетрясение, было просто приступом падучей.

МАММ

Это точно, нерегулярный индивидуум, об этом и в Америке говорят.

СОФИ

Я жду тебя, как обычно, солнце мое ночное.

ЛИДИ

Габи, ты слышал, он сумасшедший! Этот русский сумасшедший! Ну, кто еще так скажет про кошек, если не сумасшедший?

НАРД

Да я в этом не сомневался ни на йоту с первой минуты. Приплел каких-то Дедделдорфов, пел про потаскуху... типичный шизофреник!

Зашелестело по всему парку: сумасшедший, сумасшедший.

ФЭЙМОС

Я все время думал, чем мы отличаемся друг от друга. Теперь-то я понял: он сумасшедший поэт, а я нормальный поэт.

МИМИ

Сумасшествие – это полет! Меня всю жизнь окружали сумасшедшие. Кавалергарды, конная разведка, барон Оммау-Эммергау, Яшка Железнопартизанский...

РЕПОРТЕРЫ

(Софи). Эй, рекордсменка, это правда, что вы увлечены сумасшедшим?

СОФИ

(хохочет). Неправда, Мамм нормальный!

Внезапный порыв ветра.

ЛИДИ

Дуэль! Я слышу, слышу каждое слово! Он вызвал их на дуэль! Вызов принят!

МАММ

Вот молодцы дядя Жека и дядя Колян, вот это по-гвардейски, закон гор! Все равно этот сумасшедший до утра бы у нас не дожил.

НАРД

Решительно протестую! Надо звонить шерифу! Семит не может вызвать аристократа! Аристократ не может драться с семитом!

МИМИ

А как же Троцкий, Сталин, мой Яшка? А как же Пушкин, наконец?

ФЭЙМОС

Vous avez raison, grand-maman.¹⁶ Нужно опросить наш высший совет по всему миру, князей Куракиных в Австралии и виконта Чурило-Пленковича в Монако, и всех, что я сейчас же и сделаю с помощью современной техники. (Вынимает из кармана свой «мобиль», начинает названивать.)

С этого момента и почти до конца его пребывания на сцене «мобиль» будет звонить у Фэймоса под мышкой, и он будет вполголоса советоваться с членами совета на живо-трепещущую тему: может ли аристократ драться с семитом; были прецеденты или не было прецедентов.

СОФИ

(с внезапным отчаянием). Да ведь их двое, а он один! Один! И сумасшедший! Пошел к черту, Мамм! Ты не сумасшедший!

Бал снова затемняется, березовая роцца, куда перешла троцца дуэлянтов, высвечивается.

ГОРЕЛИК

Какое у вас оружие, хлопцы?

ВОРОНЦОВ

По пистолету «Макаров» и по складному ножу «арафат». А у вас какое, милостивый государь?

ГОРЕЛИК

(обескураженно). Никакого. Только руки. И ноги.

ОЛАДА

(обрадовался). Ну, значит, с безоружным драться нельзя. Дуэль отменяется.

ВОРОНЦОВ

Или, по крайней мере, переносится. На следующий год. В Россию.

¹⁶ Вы правы, бабушка *(фр.)*.

ГОРЕЛИК

Отменять нельзя и переносить нельзя. Во избежание самоубийств или бесчестной резни. Вспомните Печорина и Грушницкого, парни. Нам троим не жить на свете – или двое останутся, или один. Весьма сожалею, что так получилось. Поскольку дуэль у нас двойная, мы сделаем просто. Ты, Колян, отдаешь мне свое оружие. Мы с Жекой стреляемся, а если... хм... я уцелею, мы с тобой бросаем ножи. Это честно?

ВОРОНЦОВ и ОЛАДА

Честно. Вполне. *(Олада передает Горелику оружие, тот углубляется в его изучение.)*

Игра теней и света. В роже дуэлянты отмеряют расстояние. На балу танцуют с некоторой маниакальностью. Царит по-прежнему Мими.

РЕПОРТЕРЫ

(друг другу). Мы потеряем главное событие: убийство семита людьми благородного происхождения. Да где мы их найдем в этой чертовой тайге? Есть предложения? Нужно оставаться здесь: произойдет нечто неожиданное.

Появляется Какаша. Она в бальном платье, совершенно неотразима. Ветер услужливо взвизгивает ее подол, напоминая об историческом снимке Мэрилин Монро. Первое время ее не замечают, что дает ей возможность объясниться со зрителями.

КАКАША

Ну вот, какая я идиотка! Потеряла шубу, потеряла билет до Москвы через Гонконг и Токио, потеряла все деньги, что мне мужья дали. Выскочила из самолета в последний момент, и вот все эти дела без меня улетели. Надеюсь, что хоть приличной девушке они достанутся.

Впрочем, может быть, я и не такая уж дура, не глупее других, как с первого взгляда покажется. Шуба, на кой она, если такая весна вдруг разыгралась? Деньги – ну что я их первый раз, что ли, теряю? Как я могу их не терять, если никогда пересчитать не умею – хоть сотню, хоть лимон? Билет – ну как я могу улететь за тыщи миль, когда у меня так интуиция разыгралась, а она говорит мне, что Славка здесь остался, а я ведь интуиции своей всегда верю, и она меня не подводит, ну как?

Хочу я верить интуиции,
А не столпам слепых скрижалей!
Пускай китаец чтит Конфуция,
Славянку цепи не сдержали!

Я верю в воздух древней Греции.
Ахилл в аттической дубраве
Меня заждался. Я в проекции,
Я словно глаз в лесной оправе.

Ну вот, опять – я, я, я! Временами тошнит от бесконечного «я». Прислушаешься, что вокруг звучит – я, я, я. Им что-нибудь рассказывают, а они только ждут, когда рассказ кончится, чтобы взяться за свое: «а вот я», «а вот мне», «а вот у меня». Такова и ваша покорная слуга, беглая рабыня. А между прочим, душа не всегда хочет «я», она нередко страждет по «нему». Соединится с «ним», чтоб не было ни «я», ни «он», чтоб что-то новое возникло, без названия, без слова. Не так ли?

Ее замечают. Сенсация. Все поняли, что это та, о которой столько было сказано сегодня, из-за которой весь сыр-бор разгорелся. Бросаются. Фэймос впереди на правах старого родственника.

ФЭЙМОС.

Я знал, что ты вернешься, девство!
Европа, свет мне свой прольешь!
К усталому в бессмертье Зевсу
Спиною нежною прильнешь!

КАКАША

Дайте мне бокал шампанского. О, я вижу, вы люди со вкусом, пьете «Татинже»! Дайте сигарету. Ну а теперь говорите, где он? Кто он? Вы прекрасно знаете, что я ищу только одного – Славку Горелика, и интуиция мне подсказывает, что он где-то здесь. Ну почему же все замялись, и вы, мой Зевс? А почему я не вижу в благородном обществе моих мужей? Не притворяйтесь, ведь вы же все знаете про нас. Вы знаете, что я Какаша.

ЛИДИ

(с высокомерной светскостью). Кстати, душка, почему у вас такое странное прозвище?

КАКАША

Да это просто детские глупости. Наташа-Какаша.

ЛИДИ

(ядовито). А может быть, что-нибудь фрейдистское?

СОФИ

Тетя Лида, вы, кажется, попали в цель. Жертва вздрогнула!

ЛИДИ

Какая я тебе тетя Лида, нимфоманка несчастная?

МИМИ

(подходит к Какаше, словно кавалер). Не слушайте этих глупышек, милочка. Давайте потанцуем. *(Подхватывает и кружит Какашу.)*

Вальс «Домино». Сомовские мизансцены и позы.

СОФИ

(танцует рядом с Какашей). Я тебя ненавижу, сучка! *(Мамму.)* Вот кто настоящая психическая – она и Славку заразила, они оба из одного дурдома сбежали.

МАММ

(деловито). Значит, из России в Америку?

КАКАША

Мими, вы слышали – здесь произнесли его имя! Я знала, он здесь! Сейчас появится своей такой походочкой. Ой, умираю.

МИМИ

Напрасно вы, милочка, так волнуетесь из-за мужчин. Они все прохвосты, и ваш Слава не исключение. Расскажите мне что-нибудь из вашего опыта, ведь он у вас, наверное, богат.

КАКАША

Я вижу, вы мой друг, поэтому расскажу забавную историю. Однажды я плыла через Атлантический океан на пароходе «Куин Элизабет Ту». Изображала из себя одинокую путешественницу. Постоянно ловила на себе романтические взгляды. Сергунчик, мой пимп, подпустил цену: десять тысяч баксов за встречу. Представьте себе, платили! Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха! Ой, я так волнуюсь!

МИМИ

Какая дивная история! Как я жалею, что со мной такого не случилось, хотя бы на «Титанике». Да не волнуйтесь вы, моя дорогая, ведь все они таковы.

В роще приближается решающий момент. Воронцов и Горелик встают к барьеру. Олада вынимает бутылку «Жириновского».

ОЛАДА

Ну давай, братва, обогреемся «жириком» напоследок.

ВОРОНЦОВ

Однако без стаканов? Как вы это себе представляете, господа?

ГОРЕЛИК

Слабаем горниста. Каждому по три полных глотка. Только не жилить. *(Внимательно смотрит, как выпивают его враги, потом сам выпивает и крикает.)*

Теперь пропой нам, жизни соловей,
То, что ты пел в сиреновом пролете,
Ведь «Жириновский» в нашей голове
Все посильней, чем мистика у Гете!

Жалко, закусона нет.

ОЛАДА

Обижаешь. *(Вынимает из кармана закуску.)* Креветочки. *(Жует и смотрит, как компаньоны жуют, вытирает креветкой глаз.)* Эх, ребята!

ГОРЕЛИК

Давайте кончать! В нашем споре мы на троих не сообразим! К барьеру, граф!

ВОРОНЦОВ

(встает к барьеру). Я понимаю, Слава, что налицо здесь явная несправедливость по отношению к тебе. В отличие от твоих врагов или, лучше сказать, соперников, тебе предстоит двойная дуэль, но... пойми, мы с Ником – это одно целое, мы не переживем друг друга, потому для каждого из нас это тоже двойная дуэль.

ОЛАДА

А для меня, может быть, тройная.

ГОРЕЛИК

И для меня, наверное, тройная.

ВОРОНЦОВ

Признаюсь, и для меня тоже тройная.

ОЛАДА

Три смерти перед каждым из нас. Не слишком ли много, братва? Страшна, однако, не боль, не агония, а то, что мы все там безвозвратно потеряемся.

ГОРЕЛИК (с раздражением). Где это там? Откуда ты знаешь, что мы там потеряемся?

ОЛАДА

Да ведь гигантские же расстояния, миллионы и миллионы световых лет, мириады и мириады звезд...

ГОРЕЛИК

(с нарастающим раздражением). Там нет никаких расстояний, никаких мириад, никаких звезд и никаких лет.

ОЛАДА

Что же, значит, там и нас быть не может?

ГОРЕЛИК

Во всяком случае, там нет нашего воображения, оно исчезает с последним вдохом, равно как и наши слух и зрение отмирают мгновенно со смертью глаз и ушей. Идя на дуэль, черт возьми, надо все-таки представлять себе не жизнь, а не-жизнь, согласен? Отвлекись от видов бытия, подумай о видах не-бытия, то есть об отсутствии видов. Подумай напоследок, потому что потом уже не подумаешь, если я не промажу. Разумно звучит «я мыслю, значит, я существую», но лучше на всякий случай попрощаться с разумом, равно как и со

своей драгоценной индивидуальностью, которая станет частью непознаваемого. Итак: «Я не существую, значит, я не мыслю». Если уж что-то от нас и останется, то, может быть, лишь какие-то мимолетности и пронзительности вроде жалости к бродячей собаке, или восторга от запаха травы, или странного щемящего вдохновения, что я испытывал в детстве, когда слышал, как дед поет с еврейским акцентом «И девушка наша в солдатской шинели горящей Каховкой идет»; иными словами, наши личности превратятся в пучки подобных мимолетностей и пронзительностей. И то дай Бог! Вот если бы мы сейчас вдруг отказались от дуэли, но не из-за страха за свои сути, а из-за пронзительной невыносимой жалости друг к другу, быть может, эта жалость бы и осталась от нас навеки. Но мы не откажемся, я первый не откажусь, потому что ревность во мне сильнее жалости, потому что я дерусь за свою девушку, то есть за свою бренную жизнь. И потому от этой дуэли ничего не останется, кроме разлагающегося трупа. Или двух трупов. Или трех трупов.

ВОРОНЦОВ

(накачивается яростью). Откуда ты это все знаешь, нуворишь? Что будет, чего не будет, что останется, чего не останется? В каком марксизме ты это прочел? Приезжают всезнайки, отученные от Бога, и начинают нам лекции читать на краю могилы. И девушка это не ваша проходит в шинели, а наша, наша! Пусть вы превратили ее в проститутку, но она наша! Стреляй!

Два выстрела звучат одновременно. Воронцов падает. Горелик, пошатнувшись, остается на ногах. К барьеру прыгает Олада.

Одновременно просвистывают в воздухе два ножа. На этот раз падают оба дуэлянта.

И на роуц падает мрак. Ярко освещается сцена бала. Все общество танцует свинг. Какаша выкаблучивает вокруг крутящегося в кресле-каталке Фамуса. К ней подтанцовывает Лиди.

ЛИДИ

А это правда, душка, что вы одновременно и графиня, и княгиня?

КАКАША

(словно подкошенная, падает на пол). Он убит! Вы слышали выстрелы?

ЛИДИ

Я слышала не только выстрелы, но и свист ножей.

КАКАША

Мой жених убит! И мои мужья убиты! Они все трое убиты!

Затемняется сцена бала с агонизирующей в центре Какашей. Узенький луч света начинает бродить по роуце, где лежат три недвижных тела.

ВОРОНЦОВ

Я убит.

ОЛАДА

Я тоже.

ГОРЕЛИК

Про себя пока не знаю.

ОЛАДА

Славка, у тебя зажигалка еще работает? Подожги одну березку и давайте уходить с молитвой.

ВСЕ ТРОЕ

(поют). Господи, прости и помилуй! Во имя Отца и Сына и Духа Святого прими и со святыми упокой, если можешь.

Все трое неподвижны. Над ними, как свеча, потрескивает в огне березка.

Снова ярко освещается сцена бала. Вся группа персонажей и гостей, кроме Какаши, неподвижно лежащей на сцене, словно подстреленная чайка, повернулась лицами в сторону снежной горы. Там происходит нечто трудноописуемое – какой-то комок пульсирующей разноцветной энергии стремительно движется вниз.

МИМИ

Боже мой, кто это?!

ФЭЙМОС

Разве вы не узнаете? Это движется к нам, это стремительно спускается к нам с горы не кто иной, как Бенни Манделл! Настоящий Бенни Манделл, а не тот, что здесь был, не Лжебенни. Тому, Славке Горелику, казалось, что это все он сам тут у нас закрутил или какой-нибудь его автор из «Третьей волны», но нитки были в руках у настоящего Бенни!

Того, другого, больше нет,
Но настоящий прибыл к ночи,
Могуч, как древний большевик,
И, как священник, непорочен!

СОФИ.

Как он несется! Не пылит!
Сверкают кубики и ромбы!
Техничен, как Жан-Клод Килли,
Непредсказуем, словно Томба!

МИМИ.

Теперь я вижу, это демон,
Перед которым ниц пади!
Он не мужчина и не дама,
Он супермен и господин!

НАРД.

Он пресечет дурные толки,
Дурное слово пресечет.
Проверит памяти шкатулки,
Введет моральный пересчет!

ЛИДИ.

О настоящий Бенни Менделл.
Мой брат, ты жизни режиссер!
Надеюсь, припасешь ты крендель
Для страстных рыженьких сестер?

МАММ.

Готов работать при обмене,
В законном браке результат

Предъявлен будет брату Бенни
В законный срок и без затрат.

КАКАША

(с трудом приподнимается с пола и остается на коленях).

Простите, Библия и Тора.
Прости, мой Бенни, стажа нет!
Я выпала из партитуры
И не вписалась я в сюжет.

РЕПОРТЕРЫ.

Здесь назревает, без сомненья,
Сюрприз для этих горемык:
Как плод классического семени,
Немешкая из сцен немых.

Тем временем наша массовка, как живая, так и искусственная, приветствует криками и взмахами рук приближающегося Настоящего Бенни Манделла, НБМ. И вот он является, огромный, почти парообразный, переливающийся всеми цветами спектра и за спектром, своего рода индюк, но ногами сродни медведю. Из него исходит какая-то музыка барокко, густая басовитая виола, и под нее же он как бы танцует или, вернее, выступает самовлюбленным гоголем. И напевает! Бар-там-баб-онди-онди-бра. Длинным хлыстиком он ненавязчиво, но не оставляя никаких других шансов, организовывает персонажей в немую сцену.

КАКАША

Почему обязательно так? Ведь это уже давно стало клише.

НБМ

Клям-био-буран-тиг-лон-тиг-уанти. Трам-био-шар-транти-флинти-просонти.

Под мышкой у Фэймоса звонит телефон. Несмотря на гипнотическое воздействие НБМ, банкир прикладывает свою мыльницу к уху.

ФЭЙМОС

Здравствуй, Лавр Корнилович, здравствуй, ваше высокопревосходительство! Как вы там на Папуа? Считаешь, что можно стреляться? Любой еврей древнее нашего аристократа, ты так считаешь? У них уже Иерусалим стоял, а у нас только волки бегали, я тебя правильно понял? Ну, прощай, родной, нас тут в немую сцену организуют.

Настоящий Бенни Манделл, только что деликатно тонким хлыстиком напомнивший Фамусу о действительности, никак не может прервать свое самолюбование, чтобы не сказать самовосхищение. Он пританцовывает, поворачивается вокруг оси, притоптывает, играет ручками.

НБМ

Крошти-фрошти-драдж-молфанси, куон-тапира-мезо-прам-сим-дин.

Немая сцена уже почти организована. Все застыли в своих знаковых позах. Никто уже не открывает рта, кроме Фамуса, который, естественно, расположился рядом с Какашей. Снова звучит телефон.

ГОЛОС ПОЛКАНА

Ав! Ав! Ав! Авангард! Ку-Ку-Ку, Кукушкины острова.

ФЭЙМОС

(шепотом Какаше). Неужели и ты уже замерзла? Послушай, любовь моя, мы должны бежать, иначе сто лет не выберемся из этого барельефа. Мы найдем трупы твоего Горелика и племянников моих – твоих законных, похороним их и оплачем. А потом – свобода! Вместе!

Сбежим на Кипр мы, может статься!
Любимого лишь жеста жду!
Лишь подними волос богатство,
И я тебя освобожу!

Казалось бы, уже окаменевшая, Какаша женственным жестом поднимает волосы и завязывает их в пучок. Взъярившийся любовью Фамус выдергивает ее из немой сцены. Они убегают. НБМ, между тем поглощенный своей красотой, продолжает танцевать перед «барельефом» и напевать полюбившийся мотив Алессандро Марчелло «крошти-фрощити-драдж-молфанси, куон-тапиро-мезо-пром-сим-дин».

Появляется Слава Горелик. Раны его перевязаны его собственной разодранной рубашкой. За собой он тянет неподвижные тела графа Воронцова и князя Олады. Останавливается изумленный при виде «барельефа» и пританцовывающего Настоящего Бенни Манделла.

ГОРЕЛИК

Ну вот, что и требовалось доказать – «немая сцена». Какаши нет, друзья мои мертвы, я еле жив, а вся драма перешла под хлыстик Настоящего Бенни Манделла.

Таков итог страстей, потех,
Излишеств скромных карнавала.
Утих тревожный треск шутих,
Все стерто мира жерновами.

Безмерно наслаждаясь самим собой, к нему подтанцовывает НБМ и тонким хлыстиком направляет его в строй «немой сцены». Равно и мертвым персонажам надлежит там быть – ненавязчиво, но непреклонно заявляет этот хлыстик. Воронцовф и Олада встают и присоединяются к остывшим. Горелик некоторое время стоит молча. Кровь капает из-под тряпок. Потом обращается к танцующему свой медленный неуклюжий танец НБМ.

ГОРЕЛИК

Я понимаю, ты хочешь сказать, что она сбежала со стариком сластеной. Ты приготовил мне какое-то другое место в своей игре. Ну что ж, я все-таки не подчиняюсь, я ухожу своей тропой, и мне все равно, совпадет ли она с твоими замыслами. Разбирайтесь тут со Стасом во всем оставшемся.

В неподвижной группе вдруг происходит едва заметная вибрация. Доносится голосок юной Софи.

СОФИ

Но ты ведь еще вернешься, мой ангел?

ГОРЕЛИК.

Довольно шлаться за звездой,
Вдыхать предательства токсины.
Сюда я больше не ездох.
Такси! Подайте мне такси!

(Уходит.)

НБМ

Крошти-фрошти-драдж-молфанси, куон-тапиро-мезо-прам-сим-дин.

Занавес

Аврора Горелика **драма в двух актах с 11 монологами**

Действующие лица:

СЛАВА ГОРЕЛИК, авантюрист, 31 год

СТАРШИЙ ОФИЦИАНТ, 65 лет

МЛАДШИЙ ОФИЦИАНТ, 20 лет

КЛЕНСИ ФАУСТ, профессиональный революционер, 29 лет

ЛОРЕНЦО МГБЕКИ, профессиональный революционер, 29 лет

МАРТА ЛЕТИК, профессор, 47 лет

РОЗИ ЯГОДА, ее ассистентка, 20 лет

УРИЯ МАК-ЧЕСТНЫЙ, кандидат наук, 37 лет

ХНУМ, демиург

ПТАХ, демиург

ИЛЬИЧ ГВАТЕМАЛА, классик циклопического реализма, 75 лет

НАТАША СВЕТЛЯКОВА, она же КАКАША, его жена, 24 года

1-й КИЛЛЕР

2-й КИЛЛЕР

АВРОРА ГОРЕЛИКА, крейсер

РАБОЧИЕ с ближайшей стройки

Девяностые годы XX века. Действие происходит однажды вечером в Лиссабоне.

Акт первый

Перекресток где-то в районе площади Фигероа в Лиссабоне. В глубине сцены видна конная статуя. Судя по шуму, вокруг нее кружит автомобильная карусель. Монумент виден только наполовину, пьедестал и ноги коня скрыты строительным забором. Временами над забором поднимается ковш экскаватора. То и дело со свистом и грохотом начинают работать компрессоры и перфораторы.

Вся сцена представляет собой веранду кафе, почти примыкающую к строительству. В просцениуме тоже стоит несколько столиков. Над ними вывеска «Кафе А Лембранса».

Какими-то средствами – массовой ли, экранными ли мельканьями, внесением ли всяких чучел и кукол – нужно создать атмосферу шумного перекрестка в центре старинного города. Кроме механического грохота, в звуковом хаосе слышны завывания нищих и уличных музыкантов, голоса гидов.

Освещение должно подчеркнуть обстановку позднего жаркого дня, пропитанного пылью строительных работ и выхлопными газами. Небо постепенно темнеет. Быстро прогорит закат. Появится яркая и как бы увеличивающаяся звезда. Потом она исчезнет. Ночь на несколько минут очистит панораму. Потом зажгутся уличные огни и сильные фонари на стройке. Пыль станет еще заметнее. Пока что – солнце, жара и шум.

*Появляется **Слава Горелик**. Он в толстой куртке «бомбовоз-классик», в твидовой кепке козырьком назад, в шарфе. Обременен багажом, среди которого выделяется солидный рюкзак, украшенный долларовыми знаками. Вид у Славы неприглядный, он весь пропитан потом, намокшая фальшивая борода сбилась в сторону. Явно только что прилетел с более высоких и менее жарких широт.*

*Проходит по просцениуму, внимательно оглядывая вывески. На веранде появляются **Ст. Официант** и **Мл. Официант**.*

Смотрят на потенциального клиента. Горелик не торопится, прогуливается, насвистывает «Айне кляйне Нахтмюзик» и поглядывает то на кафе, то в зрительный зал.

*В глубине веранды появляются **профессор Летик** и **Рози Ягода**. Занимают столик поближе к строительному забору, профессор лицом к залу, Рози в профиль. Ст. Официант немедленно приносит им по большому бокалу пива – очевидно, знает заказ наперед.*

ЛЕТИК

Ах, как я люблю этот предвечерний час. Сидеть здесь с каким-нибудь глупым юным существом, ждать, когда начнут появляться наши. Слышать эти молотки за забором. Тревога и вдохновение. Кажется, вот-вот что-то начнется. Что-то большое, симфоническое.

РОЗИ

Марта, у меня опять все лицо запылало.

ЛЕТИК

Нечего выдавливать угри!

РОЗИ

Купи мне немного пудры.

ЛЕТИК

(очень жестко). Мы не употребляем пудры.

Слава Горелик тем временем вступает в пределы кафе. Маленький и гордый Ст. Официант направляется к нему.

Ст. ОФИЦИАНТ

Внутри или снаружи?

ГОРЕЛИК

Где лучше?

Ст. ОФИЦИАНТ

Внутри кондиционер, снаружи пыль и зрители.

ГОРЕЛИК

(поет из Гребенищикова). Мне нож по сердцу там, где хорошо, я дома там, где херово. (Показывает на столик в просцениуме.) Вот здесь я сяду. (Вешает куртку и фальшивую бороду на спинку стула; впоследствии не раз будут этой бородой протирать его столик.)

Ст. ОФИЦИАНТ

Деньги-то у вас есть, сэр?

ГОРЕЛИК

(показывает на рюкзак). Ты что, не видишь? Денег под завязку! Ладно-ладно, не борзей! Вот тебе моя кредитка, отпечатай ее себе на жопе!

Ст. ОФИЦИАНТ

Не очень понятно говорит, но порода чувствуется. Милости просим, сеньор!

Горелик садится спиной к зрительному залу, стаскивает верхнюю теплую рубашку, потом нижнюю легкую и остается в одной майке без рукавов. Зрители могут видеть на его левой лопатке татуировку бабочки. Иногда он пытается прихлопнуть ее ладонью, но всякий раз безуспешно.

Мл. Официант приносит ему огромный бокал пива. Он осушает его залпом и изумленно трясет головой.

ГОРЕЛИК

Да что это такое, ёкэлэмэнэ? Да я бухой совсем!

Мл. ОФИЦИАНТ

Желаете еще?

ГОРЕЛИК

Тащи две сразу!

Ст. ОФИЦИАНТ

(подходит с меню). Рекомендую на ужин «Ум-Жажанош». Лучшая из лучших в мире португальских рыб. Не удивляйтесь, сэр, кулинары во всем мире вам скажут, что самая добрая, самая холеная рыба плещется тут, у наших берегов!

ГОРЕЛИК

Так что же, вы жрете своего доброго холеного соседа? Что же, она там плещется только для того, чтобы вы ее в своем ресторане подавали? Ну-ну, сеньор, не обращайтесь внимания на мою демагогию. Мы все являемся и хищниками, и жертвами шопенгауэровского кругооборота. В конце концов, и нас ведь жрут муравьи и черви. Тащи своего «Ум-Жажаноша»!

Ст. ОФИЦИАНТ

(в сторону). Сколько тут у нас всякой демагогической сволочи сейчас бродит. (Смотрит в ладошку на кредитную карточку.) Слава Гоурелик, звучит не по-человечески. И все, главное, собираются снаружи, поближе к трудящимся. Эх, в прежние-то времена мы знали, как отделять сеньоров от демагогов!

Панически, буквально задыхаясь от жажды, вбегает Урия Мак-Честный. Он в зажеванных шортиках и в майке не первой свежести, мягко говоря. Явно с сильного похмелья. Останавливается, борясь с головокружением, потом замечает профессора Летик и бросается.

МАК-ЧЕСТНЫЙ

Профессор! Роза! Вы зря вчера ушли так рано! К середине ночи возникла совершенно уникальная обстановка. *(Щелкает пальцами официанту: дескать, тащите, тащите пива!)* Пели, все пели до утра, как в двадцатые годы певали деды движения!

ЛЕТИК

От вас пахнет отторгнутыми массами, Урия. *(Делает жест официанту, чтобы принесли не большую, а маленькую.)*

МАК-ЧЕСТНЫЙ

(поражен размерами принесенного бокала, выпивает его одним духом и тут же щелкает пальцами: еще, еще!). Эти ночи, полные подъема, такого специфического вдохновения, всегда оставляют какую-то странную, едва ли не духовную жажду.

*Пока происходит этот нервный обмен фразами, жестикуляцией и взглядами, из зала в просцениум вылезают долговязый **Кленси Фауст** и маленький мускулистый **Лоренцо Мзбеки**, на одном штаны «фатиг», на другом куртка «фатиг», на одной голове шапка «фатиг», на другой ничего. Сверившись с какой-то бумажкой, входят в кафе и молча подходят к столику профессора Летик.*

МАК-ЧЕСТНЫЙ

(восторженно). Ребята, как вы точны! Марта, Рози, посмотрите, как они точны, — явился минута в минуту! Вот что значит настоящий профессионализм!

ЛЕТИК

Урия, что это за неуместная театральщина? Кто это такие?

МАК-ЧЕСТНЫЙ

(обескураженно). Ну я же вам говорил еще неделю назад... *(свистящим шепотом)*... это ребята от Аффи Арра... ну, я их встретил у Амма Эйна... ну, вы еще сказали, чтобы я... ну вот, опять я в лужу...

ЛЕТИК

Увы, мой друг, вы погрязли в театральщине. *(Вежливо новоприбывшим.)* Присаживайтесь, товарищи. Кажется, мы встречались на семинарах по скользящей экономике в Аахене, не так ли? Рози, займись товарищами, пожалуйста.

Рози вынимает из портфельчика какие-то бумаги, дает новоприбывшим расписаться, вручает им конверты. Официанты подносят бокалы с пивом и закуски. Все встают с бокалами. Хором поют «Дивизию на марше».

Проходят века и века,
Но поступью тысячелетий
Дивизия тянет быка
На сгибах рабочих предплечий!

Река, как всегда, глубока,
Но в небе сияет нам глетчер!

Чтоб жизнь наша сделалась краше,
Дивизия крепнет на марше!
Во имя высокой мечты
Втыкай вдохновляющий штык!

Пред нами поля и луга,
И сине-зеленое море,
И тактики наш ураган,
И вихри мятежных теорий,
И бык наш вздымает рога,
И шапка пылает на воре!
Чтоб жизнь наша сделалась краше,
Дивизия крепнет на марше!

Во имя высокой мечты
Втыкай вдохновляющий штык!

К этому моменту в просцениуме оба официанта подвозят Горелику на колесиках несколько дымящихся блюд и бутылок вина. Действие в глубине сцены приглушается, доносится только общий «мурмур» улицы, стройки, музыки (противное мяуканье группы Spice Girls) и ресторанной террасы, на которой стол профессора Летик продолжает обрастать «нашими».

ГОРЕЛИК

Папаша, я этого всего не заказывал. Вы, наверное, ошиблись. Это, должно быть, для вон того банкета, папаша.

Ст. ОФИЦИАНТ

Во-первых, я вам не папаша. Вы откуда приехали – из Оклахомы или из Миссури?

ГОРЕЛИК

Я сейчас прямым рейсом из Иркутска. Нас всю дорогу пельменями кормили. Апофеоз патриотизма!

Ст. ОФИЦИАНТ

Это меня не касается, во-вторых. Так у нас подают «Ум-Жажаноша» с тысяча восемьсот двенадцатого года. Сейчас мне придется вас научить этикету, чтобы вы хотя бы почувствовали приближение к сеньорам Лиссабона. Этим молоточком вы разбиваете спинку вот этому крабу. Этим крючком вытаскиваете мясо из лап. Этой ложкой вычерпываете внутренности. Делаете два хороших глотка белого вина. Засим последуют ракушки. Каждую погружаете в соус. Постоянно освежайтесь красным вином. Третий акт – бобы с креветками. После них вы употребляете добрую чарку водки, кабальеро из Иркутска. Залпом, сеньор Гоурэлли! Браво, bravo, вот эта ваша манера кричать после водки обличает в вас знатное происхождение.

И вот только теперь начинается кульминация вашего пира – запеченный в морских звездах благородный «Ум-Жажанош». Начинайте с хвоста. Не оставляйте без внимания поджаренные плавники. Каждую передышку заполняйте ложечкой коимбрского мороженого. По завершении рыбы вы переходите к этому горшочку с расплавленным сыром. Затем, ничтоже сумняшеся, вы допиваете все оставшееся вино и расплачиваетесь. Коллектив рассчитывает на достойные вашего происхождения чаевые.

ГОРЕЛИК

Как я допиваю оставшееся вино?

Ст. ОФИЦИАНТ

(в упоении собственным искусством). Ничтоже сумняшеся, сэр!

ГОРЕЛИК

Должен сказать, сеньор, что ваш «Ум-Жажанош» освещает всю реальность каким-то иным, пламенным, нет-нет, отнюдь не мертвенным, светом. Монстр погиб не зря, ей-ей! Пожиратель монстра преисполнен вдохновения. Он настраивается на произнесение монолога. Если, конечно, публика не возражает, сейчас начну. Если, конечно, публика не была оскорблена звуками гурманских засосов, этим интимом пожирателя и пожираемого. Не слыша криков «долой», я спускаюсь с веранды на улицу и начинаю свой монолог.

МОНОЛОГ ГОРЕЛИКА

Меня зовут Мстислав, хотя а) я никому не собираюсь мстить и б) я не очень-то стопроцентный славянин. Предпочитаю, чтобы меня называли просто Слава, тем более что она, добрая или дурная, мне явно предназначена. Слава Горелик, к вашим услугам.

Как вы, очевидно, догадались по репликам здешнего недобитого салазаровца, мне прежде всего придется коснуться происхождения. Я был рожден тридцать один год назад на

набережной Крузенштерна в тогдашнем Ленинграде, который ни сном ни духом не помышлял, что когда-нибудь ему отдадут его исконное голландское имя. Квартира была большая, а семья старая, к сожалению, с глубокими марксистскими корнями.

Ну, тут, разумеется, назревает фундаментальный вопрос – не еврей ли я. Если скажешь, как есть, что столь же еврей, сколь и донской казак, часть аудитории, конечно, подумает: ну и ловкачи! Думайте, что хотите, но мой дед еврей, а бабка донская казачка. Эка невидаль! Гораздо интереснее тот факт, что и тот и другая были Горелики. Дед Натан, впоследствии Николай, Горелик дважды удостоился лауреатства Сталинской премии и тайного героизма Советского Союза. Он был всегда глубоко убежден, что при Сталине к евреям относились лучше. Моя бабка же до замужества была советской девушкой Анной Горелик, да-да, той самой дискоболкой, что позировала и Мухиной и Дейнеке как воплощение зари социализма. Такие браки – хоть и редкое, но все-таки не ненормальное явление. Даже Пушкин теоретически мог оказаться таким же отродьем, как я, потому что в семье Ганнибалов была одна девушка Пушкина.

Пора сказать несколько слов о моих родителях; большего они и не заслужили. Мой папа был выкорыштем ЦК КПСС, с младых ногтей его записали в штат кремлевских спичрайтеров, он писал речи вождям и играл в бильярд на партийных дачах. Сейчас он называет себя шестидесятником. Что касается мамы, то она всю жизнь собирала «гжель». Все это рухнуло без особенного шума. Обосновались, конечно, в Нью-Джерси. Папин бильярд помогает им сейчас свести концы с концами и даже начать новую коллекцию, теперь уже веджвудского фарфора.

Дед, как сильная личность, так и не отпустил мальчика с родителями в Москву. «Я хочу, чтобы мой внук вырос настоящим европейцем, то есть на набережной Крузенштерна», – кричал он. Подозреваю, что дед всегда был скрытым троцкистом, то есть мечтал о «перманентной революции».

В принципе, мне так и не удалось до конца понять, кем он был. Даже на вопрос о возрасте мерзавец не отвечал прямо. Вместо простого ответа начинал подсчитывать стаж: где год за два, а где и за три. Бумажку, на которой велся подсчет, неизменно сжигал. Скандалил, если я пытался заглянуть через плечо. «Это не для беспартийных, не говоря уже о диссидентской сволочи!» Закончив подсчеты, он всегда вставал очень довольный, с сияющим взором. «Да-с, батеньки мои, есть чем гордиться. Жизнь прошла, но стаж впечатляюще вырос!» В этом оксюморе, казалось, решалась для него проблема бессмертия.

Двужильный был старик, что и говорить. Прихрамывал, это верно, но это у него было не от возраста, а от того, что ему на допросах в тысяча девятьсот сорок седьмом году Абакумов и Хрущев дробили колени. Что оставалось делать этим ребятам, если Сосо каждое утро интересовался, разоружился ли Горелик перед партией?

Он, конечно, разоружился и все признал, но тут ему вдруг сказали, что он ни в чем не виноват и что он должен немедленно, хоть и без коленных чашечек, отправиться на борьбу за мир в братские страны социализма.

С ним вместе поехали генерал Судоплатов и доктор Майрановский с набором ядов. Вообразите себе тройку интеллигентов! Академик Горелик с чеховской бородкой, прихрамывающий после царской ссылки, а с ним два интеллектуала новой формации прибывают в какой-нибудь Будапешт для полуприватных бесед с местной мыслящей элитой. Кажется, все трое косили под раннее большевистское «богоискательство», намекали на развитие взглядов Богданова и Луначарского. По городу проходил слух: Москва меняет курс. Во время бесед Майрановский капал какому-нибудь епископу в кофе из флакончика, а Судоплатов угощал какого-нибудь эпистемолога душистой пахитоской. Нет-нет, сам Горелик напрямую не занимался этими делами. Он просто соловьем заливался о евразийской идее или об антиматерии. Симптомы смертельной диспепсии или распада легочной ткани обычно развивались у

собеседников через неделю после отъезда нашего трио. Нет, это были не тайные убийства, а боевые операции, спасшие, быть может, тысячи жизней, утверждает сейчас наш милый дедушка. С туманной улыбкой он намекает, что Дьердь Лукач уцелел только благодаря его «неназойливому вмешательству».

В официальном своем статусе дед был мастером социалистического реализма по живописи. Огромными картинами на классические сюжеты, то есть из жизни партии и Красной Армии, дед вошел в самую высшую плеяду секретарей союза художников и академиков. Надо сказать, что он обладал несомненным талантом. Если между головами вождей надо было нарисовать небо, оно возникало с такой глубиной, что у зрителя захватывало дыхание. Летящие по степи буденновские лошади были настолько живыми, что казалось, сейчас затопчут вас своими копытами. Только фигуры простых советских людей почему-то получались у него топорными, неказистыми – сущими ублюдками на фоне божественной природы.

Однажды группа соперников попыталась ему вставить лыко в строку, намекнуть на умышленное искажение образов наших героев, однако недремлющий Сталин взял эти фигуры под защиту. Это люди из народа, сказал он, не какая-нибудь аристократия. Посмотрите, какая в них сила, какая неумолимость! С тех пор за академиком Гореликом утвердилось реноме «певца народной неумолимости».

По части теории дедок тоже не знал себе равных. Особенно ярко его теоретическая сила проявилась в годы борьбы с космополитизмом. Не знаю, догадывался ли он, что после его теорий носители упадочнических идей попадали прямиком в руки практиков гэбухи, но, если и догадывался, это не вызывало в нем ничего, кроме торжества.

Жертвы истории, мой внук, нередко говорил он, тоже должны гордиться своим участием в нашей грандиозной феерии. Ни один зек не погиб даром. Любой никчемный польский поручик, сраженный в затылок пулей российского пролетариата, вошел в историю. Лучше бы красная сволочь ушла в эту вашу гребаную историю, чем польские поручики, сказал ему однажды внук. Анна, Анна, панически закричал тогда дед, как будто у него все кишки вывалились. Вбежала старая казачка, встала в позу барельефа. Проморгали внука, Анна, всю ночь вопил старик, упустили целое поколение! Сын пристроился в вырожденческом ЦК, прибежище гнусных либералов, а внук просто подхватился в белую стаю!

Всю ночь нападал академик на свою библиотеку, выхватывал том за томом философов всех времен и народов, пытался найти ключ к поколенческому предательству. В чем прячется загадка?! А внук тем временем, найдя ключ от дедовского винного погребка, с хохотом двух олухов-сокурсников нагружал для похода в женское общежитие. Экое странное легкомыслие!

Минуту или две Слава Горелик стоит, задумавшись, в просцениуме. В течение этой паузы зритель может обратить внимание на второй план сцены, где компания профессоров Летик продолжает обрастать новоприбывшими. Там сдвигаются столики, провозглашаются неслышимые тосты, иногда доносится нестройное пение. Ст. Официант и Мл. Официант то и дело проходят туда с подносами пива. Слава, выйдя из задумчивости, перехватывает Ст. Официанта.

ГОРЕЛИК

Послушайте, любезнейший, вы мне нужны для продолжения монолога. Можете сыграть роль моего деда в коротком диалоге внутри монолога?

Ст. ОФИЦИАНТ

Почему бы нет? Живо представляю себе этого почтенного господина.

ГОРЕЛИК

Ну, вот, великолепно! У вас в руках книги, в которых вы находите пометки внука. Начинайте!

Ст. ОФИЦИАНТ

(с воображаемыми книгами в руках). Какие наглые и безвкусные пометки он оставил на полях моих книг! Ну и ну! Во загнул! Хрящ! Блин! Букаха! Гребись налево! И ни одного вопросительного знака, товарищи! У этой молодой сволочи на все уже есть ответ – гребись налево, восклицательный знак!

ГОРЕЛИК

Прекрасно! У вас даже интонация дедушкина проявляется. Итак, начинаем рубаться от пифагорейцев к Пармениду! Существо есть!

Ст. ОФИЦИАНТ

Не-существа нет. Существо и мысль идентичны, значит, только они дают истину о реальности!

ГОРЕЛИК

Если существо есть, а не-существа нет, значит, существо не может произойти из не-существа, так?

Ст. ОФИЦИАНТ

Хорошо хоть это ты понимаешь, недоучка! А ведь это твой Парменид говорил, что движения не существует, что все неизменно!

ГОРЕЛИК

Дед, перестань визжать! Ведь ты же все-таки мужчина! Ты служил тайным агентом, ты был мужем моей неотразимой бабушки! Ты был знатоком не только Маркса, но и Платона.

Ст. ОФИЦИАНТ

Хватай Платона, читай, сукин сын! Не он ли относил существо к неизменной идее? Не он ли соединил движущееся и неподвижное?

ГОРЕЛИК

А разве ты не видишь разницы в понятиях «существо» и «субстанция»? Да знаешь ли ты, что Аристотель делил субстанцию на материю и форму?

Ст. ОФИЦИАНТ

А до тебя так и не дошло, что и то и другое имело качество существа! Ты не понимаешь, что именно тогда и возникло ядро нашей философии!

ГОРЕЛИК

На мой взгляд, тогда оно и развалилось – за две тысячи лет до рождения. Вернее, сгнило. Фома Аквинский, товарищ академик, отделил существо субстанции от существа идеи.

Ст. ОФИЦИАНТ

Твой Фома Аквинский все запутал! Неужели тебе неясно, что во всех своих частях и на всех уровнях реальность движется через диалектический процесс противоположностей от тезиса к антитезису и далее к синтезу, в котором и выявляются новые качества? Гегелем! Гегелем мы вас всегда били! Ну-ка, старый друг Георг Вильгельм Фридрих, не ты ли сказал, что радио – это не только путь к реальности, но и сама, но и сама реальность?!

ГОРЕЛИК

Хо-хо! А как насчет Макса Вундта, который отличал чистое существо от существа ординарного и говорил, что только ординарное существо находится в пределах нашей досягаемости? Не он ли заявил, что существует диалектическая игра между двумя типами существа?

Ст. ОФИЦИАНТ

Ты мне еще Джаспера сунь, который совсем запутался в ординарном, аутентичном и трансцендентном!

ГОРЕЛИК

И суну, и суну! И прихлопну тебя Хайдеггером, который отличал Dasein, то есть тот тип существа, который существует с нами, от Ek-sistenz, то есть от повторяющегося аутен-

тичного существа и от трансцендентного существа, подобного Божественному. И наконец, паршивый красный дед, я дам тебе под дых Паулем Вейсом, что видит реальность в составе четырех видов существа – актуального, идеального, экзистенциального и Бога, и все они взаимосвязаны, хоть и противоположны. Ну? Молчишь!

Ст. ОФИЦИАНТ

Кто тебе позволил читать эти книги? Они не для беспартийных! *(Вытаскивает из кармана мобильный телефон, набирает какой-то заветный номер, что-то шепчет, глаза его горят.)*

Глаза Горелика тоже горят. Не двигаясь, он следит за разговором своего «дедушки». Каким-то образом во время этого «диалога в монологе» на сцене появились два молодых человека, брюнеты, стриженные ежиком, в черных майках и черных джинсах. Теперь внимание зрителей переключается на эту пару. Молодые люди занимают столик на авансцене. Сидят, похлопывая ладонями по столу, как будто в предвкушении ужина. Смотрят друг на друга с большим удовольствием, словно давно не виделись.

ПЕРВЫЙ М.Ч.

Ба! Ба! Ба! Ба! Ба! Ба! Ба! Ба!

ВТОРОЙ М.Ч.

Сех! Сех! Сех! Сех! Сех! Сех! Сех! Сех!

ПЕРВЫЙ М.Ч.

Ану! Ану! Ану! Ану! Ану! Ану! Ану! Ану!

ВТОРОЙ М.Ч.

Кет! Кет! Кет! Кет! Кет! Кет! Кет! Кет!

ПЕРВЫЙ М.Ч.

Неф! Неф! Неф! Неф! Неф! Неф! Неф! Неф!

ВТОРОЙ М.Ч.

Ерт! Ерт! Ерт! Ерт! Ерт! Ерт! Ерт! Ерт!

ПЕРВЫЙ М.Ч.

Мон! Мон! Мон! Мон! Мон! Мон! Мон! Мон!

ВТОРОЙ М.Ч.

Мон! Ерт! Неф! Кет! Ану! Сех! Ба! Импресциндивель!

ОБА

(с большим удовлетворением). Чииииииич!

Ст. Официант кладет телефон в карман и делает знак Горелику – дескать, возвращаюсь к выполнению трудовых обязанностей. С двумя книжками меню подходит к молодым людям.

Ст. ОФИЦИАНТ

Кушать будете, почтенные сеньоры?

ОБА М.Ч.

(хватаят меню с изумлением и восхищением, как будто никогда этого не видели или позабыли). Сала! Сала! Сала! Ада! Ада! Ада! Ки э эшто? Э ума салада мешта!

Ст. ОФИЦИАНТ

Вы вообще-то откуда, молодежь?

ОБА М.Ч.

Сар! Сар! Сар! Сар! Дин! Дин! Дин! Дин!

Ст. ОФИЦИАНТ

Из Сардинии? Оно и видно.

Молодые люди пальцами показывают, чего хотят. Ст. Официант принимает заказ и удаляется. Молодые люди с большим интересом оглядывают сцену.

Внимание публики отвлекается в глубину террасы. Там Роза Ягода целуется с профессоршей Летик. Гневный Лоренцо Мзбеки трясет над столом газетой и тычет в нее пальцем. Урия Мак-Честный слезливо умоляет выпить.

*К компании присоединяется шикарная, в стиле арт-деко, пара. В мужчине не без труда, но все-таки можно узнать давно уже вроде бы почившего классика циклопического реализма **Ильича Гватемалу**. В юной особе легко определяется девушка **Какаша** во цвете лет. Их приветствуют аплодисментами и звуками песни «Дивизия на марше». Происходят все новые перестановки, возня со столиками и стуликами.*

Вдоль строительного забора проходят два парня, похожих на московскую братву. Они разглядывают присутствующих то в лорнеты, то в бинокль.

ГОРЕЛИК

(очнувшись, продолжает монолог). Не помню, сколько дверей рухнуло за мной – пять или шесть. На набережной, однако, меня уже ждали три гэбэшных борова. Дед, который меня заложил, кричал теперь из окна: беги, я тебя прикрою! Увы, его именной маузер, подарок Дзержа, заело с первой же попытки. Меня обротали и в тот же день обвинили в попытке продать японцам Курильские острова.

В тюрьме со мной стали происходить какие-то странные изменения. Что-то вроде молниеносного увядания. Дверь в камере была обита оцинкованным железом, и я мог в ней видеть свое тусклое отражение. Я видел, как с каждым днем отвисают мои щеки, как покрывается большими морщинами шея. Иногда, если луч солнца падал на дверь из-за оконной решетки, я даже видел на лбу пигментные возрастные пятна. Кисти рук не нуждались в отражении, и на них лучше всего я видел признаки одряхления. Кожа по всему телу вытягивалась и опадала в форме отвратительных наплывов и мешочков. Заметно уменьшившийся в размерах член висел, как никчемная тряпка, кровь больше не прилиwała к кавернозным телам даже в полусне, когда я пытался вспомнить женщин, с которыми спал, даже когда вспоминал любимую Какашу, а ведь обычно всякая мысль о ней вздрючивала мое существование. Либи́до улетучилось. Мех на лобке поседел, как сказал поэт. По утрам чудовищная тяжесть не давала мне поднять конечности – что уж там говорить о гимнастике. В конце концов в железной двери отразилась сутулая поникшая фигура старого большевика, моего гада-деда товарища по партии.

Не могу не добавить к этой картине несколько слов о деснах. Они кровоточили, если можно назвать кровью белесую жижу. Я боялся потерять расшатавшиеся зубы и ничего не ел, а вскоре потерял привычку жевать еду. Единственное, чего я жаждал, – сладенького чайку. О нем я молил надзирателя день-деньской. Чайку, дайте сладенького чайку, начальник. Вот в такой маразм я впадал за каких-нибудь трое суток одиночного сидения.

И вдруг все поворачивалось в обратную сторону. Как предчувствие перемены, являлся эротический сон. Мне снилась моя единственная ночь с моей девушкой, этой самой Какашей со станции метро «Нарвские ворота», в том самом гребном клубе на Елагином острове, где мы с ней встретились. Во сне то наше бесконечное траханье преображалось, в нем не было порнографии, а только жар любви. В нем было нечто метафизическое, если мне позволят сказать уже сказанное. Уверен, что и Какаша где-нибудь в Америке – в библиотеке ли, в кабаке ли, на мотоцикле ли или посреди улицы в этот именно миг испытывала такой же жар любви ко мне, к своему Горелке, как она успела меня прозвать в гребном клубе. Ведь я не Чацкий, господа, я не чажу, – во мне, как в Ахматовой, три корня: горе, гора, гореть! Вот так и горел под тюремным одеялом, испытывая счастье от обладания моей всегда отсутствующей девушкой, умирая от счастья.

Мой возраст возвращался ко мне. Я видел свои руки – это были мускулистые конечности молодого парня. Я спрыгивал на пол и начинал на этой слизи отжиматься, триста отжиманий от пола! Потом сжирал все, что осталось от прежних пайков, весь хлеб и засохшие

каши. Никаких морщин не определялось ни в отражении, ни на ощупь. Я пружинил ноги и похохатывал в ожидании вызова на допрос. Вот в чем было дело – я предчувствовал вызов на допрос! И в этот же день за мной приходили. Горелик, руки за спину!

Они, похоже, даже не замечали возрастных перепадов в этом опасном заключенном. Там все шло вяло, уныло, служба полностью деградировала. С руками за спиной на допрос шел известный в городе молодой нахал с подрагивающими ляжками. Со страстью я презирал своих тюремщиков. Потомки худосочных радикалов Чернышевского и Писарева, внуки большевистских отродий, что не смогли правильно прочесть ни Ницше, ни Фрейда. Последыши отбора, приведшего великую утопию к полицейскому маразму. Мечта о «новом человеке», который сможет победить смерть, грезы и мысли Соловьева, Федорова, Хлебникова были захватаны грязными лапами богоборцев. «Белокурая бестия» стала конвойным у крематориев. Соловьевский «богочеловек» был вытеснен homo soveticus'ом. Вместо Апокалипсиса пришли революции, эти, по-бердяевски говоря, «малые апокалипсисы» с торжествами мелкобесия.

Прошу прощения, но каким бы смешным я ни казался, я все-таки считаю себя одним из немногих уцелевших при дешевой распродаже. Или, скажем так, по недосмотру родившимся. Или воспитанным без досмотра, если угодно. Вот почему я так молодел перед допросом, предвкушая схватку романтического ницшеанца с «советским простым человеком». В эти минуты я твердо знал, что уйду из-под стражи. *(Перехватывает проходящего мимо с вазой фруктов Мл. Официанта.)* Ну, давай, браток!

Мл. ОФИЦИАНТ

(растерянно). Чего изволите?

ГОРЕЛИК

Сыграешь следователя майора Ковалева.

Мл. ОФИЦИАНТ

Ой! *(Закрывает ладонью область носа.)*

ГОРЕЛИК

Ничего, ничего! *(Усаживает Мл. Официанта за один из пустых столиков, водружает в углу просцениума портрет Дзержинского и герб Советского Союза.)* Обслуживаешь русских, надо привыкать.

Мл. ОФИЦИАНТ

Со мной случилось нечто очень важное – пропал мой нос.

ГОРЕЛИК

Однако чувство долга-то у вас осталось, гражданин следователь? Начинайте допрос!

Мл. ОФИЦИАНТ

Садитесь, Горелик. *(Дрожащими надламывающимися руками вытаскивает носовой платок, пристраивает его под очки, чтобы свисал в область носа.)*

ГОРЕЛИК

У вас что, насморк? Сплин?

Мл. ОФИЦИАНТ

(уныло тянет). Сплин, сплин, пол-сплина, четверть сплина, восьмая сплина... *(Вздрагивает.)* Вопросы задаю я, вы отвечаете. *(Смотрит в бумаги.)* Вы давно знаете японского подданного по имени Такуя Хара?

ГОРЕЛИК

Не знаю такого Такую.

Мл. ОФИЦИАНТ

А по нашим сведениям, вы встречались с господином Хара в квартире вашего деда на набережной Крузенштерна.

ГОРЕЛИК

Вот вы деда или какого-нибудь другого стукача об этом и спросите.

Мл. ОФИЦИАНТ

Молчать! Вам вышка грозит, а вы тут разговариваете!

ГОРЕЛИК

Можно воды налить?

Мл. ОФИЦИАНТ

Это пожалуйста. *(Придвигает графин и стакан. Горелик наливает стакан и начинает делать над ним какие-то пассы пальцами.)* Что вы делаете?

ГОРЕЛИК

Отгоняю чертей.

Мл. ОФИЦИАНТ

Каких еще чертей?

ГОРЕЛИК

Каких-каких, хвостатых. У вас тут в гэбэ весь воздух ими нафарширован. *(Поднимает стакан, смотрит на свет.)* Ну вот, теперь можно пить.

Мл. ОФИЦИАНТ

(жалобно). Дайте и мне немного воды... нет, из вашего стакана, пожалуйста... *(Жадно пьет, спохватывается, вопит.)* Да как вы смеете?! Со средневековыми предрассудками?! В советском учреждении?! Я вас сейчас на психиатрическую экспертизу отправлю! С носом или без носа, но я свой партийный долг выполню!

ГОРЕЛИК

(берет из вазы банан). Вот ваш нос! *(Влепляет банан прямо в середину лица следователя, где тот немедленно приживляется.)* Хватит тянуть тягомотину! *(Подлетает к стенке, сбрасывает портрет Дзержинского и герб Советского Союза, водружает трехцветный флаг и портрет круглолицего человека.)* Теперь вот так дело пойдет!

Мл. ОФИЦИАНТ

(в восторге поглаживает новый нос, робко поглядывает на портрет). А это что за товарищ будут?

ГОРЕЛИК

Президент России Владимир Буковский! Начинается процесс дебольшевизации. Раскаивайтесь, пока не поздно!

Мл. ОФИЦИАНТ

Никого не пытал, никого не расстреливал... Вербовать вербовал, и немало, в чем раскаиваюсь. Просто счет потерял, скольких записал в сексоты. Задача была перейти от каждого пятого к каждому третьему, вот и старались. Нам объясняли: над страной, над всей нашей системой нависла опасность. Формула «каждый пятый» уже не срабатывает. Нужно переходить к формуле «каждый третий». Тогда опасность отодвинется. Опоздали, товарищи! *(Плачет.)* Но зато каждый остался с носом. Жить можно. И с вами, господин Горелик, как с крупным миллиардером родины, мы можем дружить по части охраны, по части синтеза и анализа. *(Поднимает благоприобретенный нос.)* Все к лучшему, сеньоры, рриштоврантеш процветают, кабелейрейрош процветают, лимпар а секо процветают, а вот ностальгии нашей мы все-таки никому не отдадим.

ГОРЕЛИК

Ну, хватит! Отправляйтесь на конюшню и скажите, чтоб вам задали плетей! *(Поворачивается к залу.)* Я надеюсь, публика понимает, что мы все еще в рамках моего монолога. Быть может, вы обратили внимание, что тут в устах моего псевдоследователя промелькнуло слово «миллиардер». Ха-ха, юнец попал в точку. В первые же дни приватизации я решил заработать несколько миллиардов баксов, чтобы выйти к новым задачам с солидным финансовым багажом. Кстати, где мой багаж? *(Находит свой рюкзак и подтягивает его ближе*

к столу.) Ну вот, отправился я с делегацией Академии наук в Нью-Йорк. Пока все там рыскали в поисках «кожаных изделий», я знакомился с фондовой биржей, заводил там знакомства. Потом началось самое интересное. Дело в том, что дома на набережной Крузенштерна раскаявшийся и рыдающий дед шепнул мне перед отъездом заветное словечко: «Поровое». Прибыв на место назначения, я дал в «Нью-Йорк таймс» объявление: «Молодой человек ищет «Поровое». Сейчас уже можно об этом сказать, во всяком случае, в рамках этой драмы: «Поровое» – это был один из тайников партии. Уже через два дня ко мне пришли с ключом. Тут же объявил, что «Поровое» приватизируется. Возражений, конечно, не было. Со всем этим добром я прибыл на биржу, а через три дня игры купил воздушный лайнер и отправился восвояси.

В Москве уже вовсю шла ваучерная приватизация. Другие хапали что попало, а я приобрел крейсер «Аврора». Одна любовница спланировала мне этот крейсер под маркой семьдесят тысяч тонн чистого металла. Нет-нет, милостивые государи и милостивые государыни, вовсе не ту большевистскую посудину, что пёрднула в ночь их переворота. За ту в базарный день не дадут и тысячи баксов. Моя «Аврора» – это воплощение всего лучшего, что накопило человечество. В принципе, она может одна, даже без экипажа, начать и выиграть войну у какой-нибудь монструозной страны порядочного размера. С первого же дня нашей связи я заметил, что я ей нравлюсь. Может быть, это произошло от того, что я единственный заметил в ней большую женственность. Ничего особенного в этом нет, ведь по-английски любой крейсер или дредноут – это «она». В конце концов, я переименовал ее в «Аврору Горелика» и за огромную сумму продал китайцам. Никакого предательства в этом не было, потому что я знал, что она от них уйдет.

Так и получилось. Она ушла из бухты Тяньцзиня со всеми своими перехватчиками вертикального взлета, самонаводящимися ракетами и без единого китайца на борту. С того дня ее никто больше не видел. Иногда мне кажется, что я ловлю в ночи ее нежные сигналы. Уверен, что мы еще встретимся. Пока что получилась весьма удачная коммерческая сделка: я обогатился и обогатил свое государство, выплатив все налоги.

Не исключаю, господа, что вы принимаете мой монолог за очередную русскую хлестаковщину, но, во-первых, он уже подходит к концу, а во-вторых, должен же я был объяснить, как мне удалось создать основательный финансовый багаж. *(Снова оглядывается на свой рюкзак, тот на месте.)* К счастью, все удалось унести с собой. *(Выходит поближе к залу как бы для того, чтобы посекретничать.)* Надеюсь, для людей сцены это останется тайной, но людям зала я могу открыться: мешок набит крупномасштабными долларовыми купюрами. Десять миллиардов, как у них говорят, а по-нашему «бильярдов». Перед тем как меня приговорила московская «комса», я успел все обратить в нал и сквозанул налегке. Уверен, что два самых опытных киллера рыщут сейчас по всему миру, чтобы привести комсомольский приговор в исполнение, но даже они не знают, что я сейчас в Лиссабоне. Значит, можно спокойно поужинать и поболтать. В тайну моего нынешнего местопребывания посвящено, возможно, только одно существо на сцене – авианесущий крейсер «Аврора Горелика». Так что дела моей родины в смысле чистоты ее воздуха не так уж безнадежны. Ведь моя главная задача – с помощью «Авроры» очистить воздух моей пробздетой в прямом и переносном смысле родины. Кто тут последний в очереди на экспертизу?

В этот момент два молодых человека в черном, которые только что мирно ужинали, не обращая никакого внимания на высказывания Горелика, вскакивают и поворачиваются в его сторону.

Общее освещение на сцене гаснет. Начинают мелькать световые пятна. В них попадают лица и затылки большого импровизированного застолья, нагромождение пивных кружек. Мы видим, как профессор Летик трясет за шиворот Урию Мак-Честного: проснись! В какой-то момент в луч прожектора попадает стильная парочка – классик Гватемала

и красавица Какаша; она в томлении. Почти в тот же момент в кругу света, идущего вдоль строительного забора, оказываются два киллера, одетых и подстриженных в стиле московской братвы. В просцениуме под прожектором стоит наш монологист Слава Горелик. Слышатся выстрелы – один, другой, третий. Слава качается и падает. Распростерт. Киллеры медленно приближаются.

ПЕРВЫЙ КИЛЛЕР

Контрольный в голову.

ВТОРОЙ КИЛЛЕР

Жалко парня. *(Стреляет.)*

ПЕРВЫЙ КИЛЛЕР

Шмотки его возьми.

ВТОРОЙ КИЛЛЕР

Мешки таскать не нанимался.

Проходят по просцениуму, на секунду притормаживают возле молодых людей в черном; дескать, вопросы есть? Вопросов нет. Чао-какао. Уходят.

Зажигается общее освещение. Богема в глубине террасы функционирует в прежнем режиме. Слышится тонкий голос Какаши.

КАКАША

Мне сейчас показалось, что кто-то погиб в мою честь. Будто лежит он сейчас на поле брани, ну, какой-то такой, вроде Славки моего Горелика, и на щите его написано по-португальски *Par Minha Dama!* – то есть «За Наташу Светлякову!».

ГВАТЕМАЛА

За революцию надо гибнуть, а не за баб!

Наташа-Какаша расплакалась.

Ст. Официант и Мл. Официант подходят к распростертому Горелику.

Ст. ОФИЦИАНТ

Что случилось с этим клиентом?

Мл. ОФИЦИАНТ

Он тут напачкал. Темная лужа вокруг башки.

Ст. ОФИЦИАНТ

Это «Бордо».

Мл. ОФИЦИАНТ

Не похоже.

Ст. ОФИЦИАНТ

Попробуй на палец.

Мл. ОФИЦИАНТ

(пробует). «Бордо».

Ст. ОФИЦИАНТ

Надо позвонить в вытрезвитель. *(Уходит.)*

Мл. ОФИЦИАНТ

Этих русских надо сразу сдавать в вытрезвитель. Мешки свои расставили! *(Уносит рюкзак Горелика.)*

Молодые люди в черном приближаются к распростертому телу.

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Спри. Спри. Спро. Спро. Спроси его.

2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

(Горелику). Тыж. Тыж. Тыж. Ты жив? Илим. Илим. Или мертв?

ГОРЕЛИК

Не знаю. Все пули попали в цель. Серый Карасевич целил в коронарную артерию и попал. Валька Гром целил в трахею и пробил. Контрольный прошел башку от одной височной кости до другой. Проклятые пули, если бы пролетели мимо, я был бы жив.

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Вот они, все твои пули. *(Потрахиывает в ладони.)* Ты лежишь в луже «Бордо». Теперь вставай.

Горелик встает, вытирается салфеткой, садится к своему столу, закусывает остатками «Ум-Жажаноша».

2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Какие у тебя вообще-то цели? Зачем ты появился в этой, так сказать, драме?

ГОРЕЛИК

Если я скажу, нарушатся все законы. В первом акте все выкладывать? Губить пьесу?

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Нам не говоришь, скажи им. *(Показывает на зал.)*

ГОРЕЛИК

(в зал, с нарастающей страстью). Я вырвался из убийственной ловушки с двумя целями. Первая: найти и освободить свою прекрасную даму. Разведка донесла, что она может появиться где-нибудь здесь, в Лисбоа. Вторая цель: соединиться с «Авророй», подойти к берегам моей родины и продиктовать свою волю по части очистки воздуха. И я клянусь мирозданием и моими покровителями – египетскими демиургами Хнумом и Птахом, – что сделаю все для достижения этих целей, если только гадские пули не растерзают мое тело!

Зал взрывается аплодисментами. Молодые люди в черном тоже аплодируют – сначала неумело, потом все дружнее и дружнее, в унисон с залом. Потом они садятся к своему столу и начинают обмениваться своими междометиями.

ОБА

Ра! Ра! Ра! Опу! Опу! Опу! Лем! Лем! Лем! *(С глубоким удовлетворением.)* Чииииииииич!

ГОРЕЛИК

(весело). А это что же у вас, парни, такой вроде университетский жаргон, да?

ОБА

(весело кивают, как бы удивляясь гореликовской смекалке). Вот именно! Университетский жаргон! Лучше и не скажешь!

ГОРЕЛИК

Знаете, ребята, у меня что-то настроение стремительно улучшается, как будто я снова на третьем курсе, когда у меня было перманентно хорошее настроение. Как будто сей, прямо сей час со мной произойдет что-то стремительно счастливое. Как будто даже выходящее за рамки драмы!

В глубине сцены сквозь общий гул прорезается грохот отброшенного стула. Там двигается во весь свой недюжинный рост классик циклопического реализма Ильич Гватемала. Фигура его закрывает от взоров зала страдающую в своей красоте Какашу.

ГВАТЕМАЛА

(звонким старческим голосом). Никогда, ни за что, даже ради лучшей промежности в мире, я не отступлюсь от своих идеалов! *(Продвигается в просцениум, где принимает позу монолога.)*

МОНОЛОГ ИЛЬИЧА ГВАТЕМАЛЫ

Давайте договоримся: мое настоящее имя останется тайной, прежде всего потому, что я его давно забыл. Боевая подпольная кликуха стала моей кожей и моей прашой. Иные из вас, особенно тронутые буржуазным тленом, скажут, что я сплошная фикция. Спросите тех, кто poleg под моими ударами, придерживаются ли они такого же мнения, – спросите!

В революцию меня толкнула литература. В какой-то момент мне надоели книжные салоны, где тебе все время суют в нос Шекспира, Камозэша, ну, этого Борхеса, все такое как бы невоонючее, нетленное. Никто там не знал, что такое тлен, что такое вонь, потому что никто по-настоящему не был в революции. Тут пустили слух, что у нас там на опушке леса набирают бригаду, я туда и уехал на своем велосипеде, который уже много лет стоит в Музее Революции и одновременно в Музее литературы; где копия, где оригинал, я и сам запутался.

Дело в том, что в литературу я вернулся задним ходом из революции. Из всех лозунгов тех дней один был мне милее всего как песня незамутненного народного потока: «Грабь награбленное!» И тут я заметил, что и это, самое святое, стало покрываться коростой. Лозунг масс стал превращаться в лозунг аппарата. «Грабь награбленное награбленное!» – так он фактически стал звучать в устах аппарата джунглей.

Все чаще в структурах партии стали появляться умудренные классикой писатели. Прикрываясь бесчисленными терминами, они заключали миллионные договора с американскими издательствами, получали всемирные премии, а потом наведывались в джунгли, к тем, кто день и ночь ползал там с автоматами, с ножами в зубах, к тем, кто не прочел и единой брошюры. Поднабравшись ума и от тех и от других, я сбежал из бригады, прихватив всю кассу взаимопомощи, и погрузился в двойное подполье – и от партии, и от литературы.

Именно там, в подполье, в обществе крыс, игуан и сколопендр я начал создавать свой цикл циклопического реализма. Я мог бы давным-давно выйти на поверхность и стать звездой, но мне нужна была муза. Она появилась наконец в лице неотразимой русской шлюхи то ли в Ленинграде, то ли в Петербурге – уже не помню, во всяком случае, она была со мной во время моего последнего боя с федеральными агентами на окраине Чикаго. Гринго убили меня, но я продолжал жить в целом сундуке неопубликованных романов. Распотрошив сундук, девка пустила эти романы в ход, и они начали свое триумфальное шествие по книжным магазинам того мира, который нам так хотелось уничтожить. Она пустила по ветру все мои миллионные гонорары, но я на нее не сержусь, ведь это у нее в памяти я еще жив, и это со мной она явилась в эту пьесу, в лиссабонские жаркие сумерки накануне восстания, о котором я мечтал и в джунглях, и на бумаге! Пусть там, где все вы пока что пребываете, дорогие товарищи, я остался только в виде памятника на месте своей последней битвы, здесь-то, на сцене, я еще ой-б-ёй как жив! (*Уходит в глубину сцены.*)

ГОРЕЛИК

(*отмахивается от монолога*). А, все те же, все о том же! Столько лет все о том же, как будто у человечества нет проблем с тем тонким слоем животворного и тлетворного, без которого мы превратимся в камни, без которого не сможем даже сгнить! (*Поворачивается к своим собеседникам и видит, что их нет на сцене.*) Что это? Студентов-то как ветром сдуло! Помнится, и мы так делали, когда проходили курс наук в Электротехническом. Завалимся в «Чвановский», напьем, нажрем, а потом кто-нибудь выбьет пробку из щитка, и все в темноте смываются.

Входит мрачный Ст. Официант.

ГОРЕЛИК

Ты видишь, друг, студенты-то смылись.

Ст. ОФИЦИАНТ

Что ж из того? Еще вернутся. Дело молодое.

ГОРЕЛИК

Так они и вернутся! Смылись, и ужина не доев...

Ст. ОФИЦИАНТ

Не все ж такие обжоры, чтоб за раз целого «Ум-Жажаноша» скушать.

ГОРЕЛИК

Да и вина не допили!

Ст. ОФИЦИАНТ

Не все же такие пьянчуги, чтоб обязательно допить до донышка.

ГОРЕЛИК

Все-таки я не понимаю, как это так – р-раз и растворились в сумерках?..

Ст. ОФИЦИАНТ

Вернутся. Это же Лиссабон, что вы от нас хотите?

Появляется Мл. Официант с гореликовским рюкзаком. Он весь дрожит.

Мл. ОФИЦИАНТ

(Ст. Официанту). Экселенс, посмотрите, что там внутри! Меня всего колотит! Я рехнусь, если я сейчас не убегу со всем этим!

Ст. ОФИЦИАНТ

Дай сюда! (Вырывает у Мл. Официанта рюкзак, швыряет его к гореликовскому столу.) И больше к этому хозяйству не притрагивайся! *(Причесывается, застегивается на все пуговицы, выходит к зрителям, прокашливается, начинает.)*

МОНОЛОГ Ст. ОФИЦИАНТА

Джентльмены Лиссабона никогда не унизятся до подбора мешков сомнительного свойства, что бы в них ни содержалось! Сеньоры Лиссабона воспитаны в рыцарских традициях! Вы, туристы, бизнесмены, авантюристы и другие гости столицы, знайте, что во многих гражданах этого города, невзирая на их социальное положение, течет кровь великолепных сеньоров Лиссабона!

(Доверительно.) Всякий знает на бульваре Либертада историческую парикмахерскую «Брито-а-Брито», что по-русски означает «Заходи побриться». В юности я работал там у своего дяди Бритоша Гомеша Брито. Вот кто всегда узнавал джентльмена в своем кресле! Вот кто был настоящим кабальеро для кабальеро! Даже я, юнец, что выметал там остриженные дядей волосы, научился различать клиентов. Я научился наслаждаться теми моментами, когда в воздух из-под моей метлы взмывали волосики сеньоров! И они взмывали, парили и улетали в открытые двери!

Они растворялись в небе Португалии точно так же, как они растворялись пятьсот лет назад, когда командор Васко да Гама входил туда и тихо просил: пожалуйста, сеньор Бритош, не сбривайте всего, и пусть кудри вьются, как у всех порядочных людей. Так тихо он просил, как будто это не он завоевал Индию.

Да и две тысячи лет назад отцы-основатели и отцы-завоеватели из Седьмого легиона Жемина заходили к Брито и сдержанно, как кабальеро, просили побрить им шею на римский лад. И предки мои сдержанно выполняли эти заказы, сами чувствуя на своих шеях холодок их взглядов.

Ты должен знать, Пинтоквиш, говорил мне дядя, джентльменство определяется не богатством и не высоким чином. Наша страна невелика, но дух ее могуч, как наши пробковые дубы, которыми славятся наши пейзажи. Многие наши клиенты в ходе исторических пертурбаций не стали генералами, иные из них продают на углах лотерейные билеты, есть среди них даже и чистильщики обуви, но и в них нередко с первыми же взмахами ножниц можно увидеть сеньора.

Этой школы, уважаемая аудитория, мне не забыть. Фортуна привела меня к моей нынешней должности старшего помощника метрдотеля в великолепном кафе, но даже и здесь, среди сегодняшней неразберихи, в пыли бесконечного городского строительства, среди левой швали, что стекается сюда из Европы и Африки в расчете на близкие бунты, я не разучился узнавать поступь настоящего сеньора, который умеет заказать рыбу «ум-жажанош» и съесть ее с достоинством, не валясь на пол в винные лужи. И если кто-нибудь еще сомневается в моем предназначении, я должен буду тому сказать: сеньоры Лиссабона не ударят лицом в грязь ради мешка с долларами!

ГОРЕЛИК

Здорово сказано, сеньор Бритош!

Ст. Официант уходит. Мл. Официант выдвигается на позицию монолога.

МОНОЛОГ МЛ. ОФИЦИАНТА

Пока этого гада, моего дяди, нет, спешу высказаться как представитель униженной молодежи. У каждого человека моего небольшого возраста есть своя большая мечта. Многие ребята у нас на дворе постоянно думают, что будут делать в случае городского восстания. Один, по прозвищу Висячая Сила, клянется взять школу, где его не баловали отметками. Гортензия Суареш решила громить подряд все магазины «Кодак», в одном из которых она сейчас работает. Девку можно понять: ненавижу, говорит, всю эту сволочь, что решила увековечиться, всю фотографию, говорит, надо смыть хотя бы ради будущего.

Бывают у ребят и странные фантазии. Один, например, мечтает вскарабкаться на конный памятник и оттуда, с крупа, навалить солидную кучу. Что касается меня, то я прост. Анархизма во мне маловато. Давали бы чаевые. Конечно, и я мечтаю, не без этого. Никому не признавался, даже самому себе, что мечтаю о мешке с долларами. Ведь это же такое чудо – вдруг натыкаешься на мешок с деньгами, ведь это же сродни... сродни... прилету какого-нибудь протуберанца! Мне стыдно было мечтать о несбыточном, но все-таки, при отсутствии чего-либо другого, почему бы нет? Почему не мечтать?! И вот он в моих руках, и вот я его отдаю назад негодяю, варвару! Да что же это такое, уважаемые посетители, ведь это же двойное, если не тройное убийство мечты! Эх, был бы у меня характер, не поздоровилось бы сегодня этому месту! (*Уходит, весь дрожа.*)

ГОЛОС ДЕВУШКИ КАКАШИ

(издалека). Славка, когда же ты освободишь меня из рабства?!

ГОРЕЛИК

(маячит). Почудилось? Пригрезилось? Какаша, неужели это ты? Где ты, на сцене или в зале?

Из глубины сцены в просцениум выходят профессор Летик и Урия Мак-Честный. Садятся к свободному столику и освещаются тонким лучом света.

ЛЕТИК

Ты слишком много пьешь, Мак-Честный.

МАК-ЧЕСТНЫЙ

Марта!

ЛЕТИК

Ты выдул уже девять «грандо», Урия Мак-Честный! Да, я считаю! Всякий раз, как я показываю Пинтоквишу «принесите покито», ты бросаешься и меняешь «покито» на «грандо». Ты же знаешь, что я не могу на это закрывать глаза!

МАК-ЧЕСТНЫЙ

Но ты же видишь, я в форме!

ЛЕТИК

Я вижу, что у тебя отвисли брылы, пот течет по носогубным складкам, руки дрожат, а самое главное, я вижу, что у тебя разбушевалось подсознание!

МАК-ЧЕСТНЫЙ

Марта, побойся... (*С безнадегой.*) Да нет, не Всевышнего. Ты же знаешь, кого должны опасаться люди с классовым сознанием. Внеклассового подсознания.

ЛЕТИК

(кладет на стол небольшую монету). Ну-ка, одним движением придави пальцем этот эскудо!

Мак-Честный тычет указательным пальцем.

ЛЕТИК

(уничтожающе хохочет). Мимо на пять сантиметров! Ну, еще раз! *(Хохочет зловеще.)* Off the mark again!¹⁷ Черт тебя дери, Урия Мак-Честный, Ph. D., ты уже ни на что не годишься! *(Берет его руку и медленно опускает палец на монету, заглядывает в глаза.)* Вот теперь попал.

МАК-ЧЕСТНЫЙ

(в полном отчаянии). Нужно потренироваться, Марта. Марта, слушай, попробуй меня через десять минут, и ты увидишь, я буду попадать сразу.

ЛЕТИК

Есть мнение отстранить тебя от сегодняшнего задания.

МАК-ЧЕСТНЫЙ

(падает перед ней на одно колено). Ты не сделаешь этого! Ты же знаешь, что это значит! Ведь товарищ Квутанзо меня растерзает! Меня, твоего любимого аспиранта!

ЛЕТИК

Как ты не похож на того юношу, который еще недавно писал «Зародыши гражданских позиций»! Какой огонь в тебе тогда пылал! Все вздымалось в тебе, словно обелиски грядущего!

МАК-ЧЕСТНЫЙ

Марта, поверь, времена «Зародышей» еще вернутся!

ЛЕТИК

(сухо). Прости меня, но я уже переросла твои «зародыши», уже отринула твои «obelisks». *(Молчит и смотрит на трепещущего Мак-Честного.)* Ну хорошо, на этот раз ты еще останешься и замкнешь. Когда они все выйдут и возникнет ситуация общего подъема, ты по моему сигналу – это будет тост за ГРЯДУЩЕЕ – нажмешь кнопку детонатора. Где находится заряд?

МАК-ЧЕСТНЫЙ

(суетливо). В левой передней ножке вон того стола. *(Показывает на стол, за которым продолжает пирашествовать Горелик.)* Там, правда, этот симпатичный молодой господин расположился. Кто-нибудь его отзовет?

ЛЕТИК

Наплевать на эту буржуазную сволочь! Я его узнала. Однажды он сорвал конференцию в Шантьере. Беспорывно провоцировал, острил, видите ли. В конце концов, неплохо, если будет хоть одна жертва. Небольшие брызги не помешают. Скажем, что погиб философ, идейный лидер движения. Сотворим культ из этого проходимца. Возникнет вихрь, а это то, чего нам не хватает и для практики, и для теории, и для моего фундаментального труда «Грядущее сознание», – вихря!

МАК-ЧЕСТНЫЙ

Ты была права, сказав, что у меня подсознание скрипит. Но я слажу, слажу! Может быть, во всем виновато мое имя, мое проклятое происхождение. Я знаю, что взрыв необходим, но что-то скрипит во мне, что-то корежится. Но я слажу, слажу!

ЛЕТИК

Знаешь, что однажды сказал Фрейд? «С той материей, с которой мы работаем, никогда нельзя будет избежать маленьких лабораторных взрывов». Конечно, это было сказано о психоанализе, но и к нашей теории это имеет прямое отношение.

МАК-ЧЕСТНЫЙ

Я восхищаюсь тобой, Марта!

ЛЕТИК

Потренируйся на эскудо! *(Выходит вперед для произнесения монолога.)*

¹⁷ Опять мимо *(англ.)*.

МОНОЛОГ ПРОФЕССОРА ЛЕТИК

Должна признаться, я просто женщина. Как всякая женщина, мечтаю о простом: взять любимое существо, отдать ему себя, мять его, подминаться под ним, раскрывать его, раскрываться самой, ну а потом погружаться в быт – все эти пуфики, коврики, песики, котики, детки, конфетки, супу наварить на три дня, денег заработать на три года, починить телевизор или, как его там, телевизор, и так изо дня в день.

Увы, как теоретика движения мне приходится еще прочитывать каждый день три титула соответствующей литературы в рамках междисциплинарной программы – к счастью, у меня зеркальная память: пятнадцать секунд смотрю на страницу, и она уже вот в этом маленьком хорошеньком компьютере – ну и постоянно приходится думать о сочетании теории с практикой, подбирать литературу, которую смогут прочесть на местах, контролировать текучку кадров, пестовать взрывчатку для лабораторных взрывов. Ну, если уж признаваться, то во всем. Эстетически это мне не очень-то по душе. Только лишь первый момент прекрасен – явление огня, акустическая феерия, а дальше, ах, сплошная размазня. Ведь где-то в сугубо личностном плане, несмотря на все напечатанные труды, я осталась все той же крестьянской девчонкой, пастушкой козлят и козлищ, майне дамен унд херрен. Увы, если ты выбираешь путь в теории, грани личности смещаются, ибо нужно искать подтверждения своим гипотезам на практике. Не так ли? *(С изяществом удаляется.)*

Оставшийся в одиночестве Мак-Честный сам встает в позицию монолога.

МОНОЛОГ УРИИ МАК-ЧЕСТНОГО

«Почитай сон и входи в него с робостью, это превыше всего. Избегай тех, кто плохо спит или проводит ночи без сна. Даже вор бывает застенчив перед тем, как заснуть. По ночам он ворует молча. Бесстыж, однако, ночной сторож, с бесстыдством он поднимает свой горн.

Ради сна ты должен бодрствовать весь день. Десять раз в день ты должен одолевать себя. Это сделает тебя добрым и усталым, и это будет опиумом для твоей души. Десять раз в день ты должен примирять себя с самим собой: непримирившийся спит плохо. Десять истин в день ты должен найти, иначе ты будешь искать истину в ночи и твоя душа останется голодной. Десять раз в день ты должен рассмеяться, иначе тебя будет беспокоить желудок, отец тоски».

Так говорил мудрец на горном склоне. И я внимал ему на зеленом пастбище среди молодежи. Кто бы сейчас поверил, что я был когда-то апостолом чистого сна? Будто стоик Рахметов, я десять раз в день одолевал себя, то есть всякий раз, когда мне хотелось выпить и закурить. Десять истин в день я находил в университетской библиотеке в десятке книг. Десять раз в день я смеялся над этими истинами. И все это ради сна, ради мудрости того горного склона. О, эти сладкие сны предреволюционного транса! Я спал, как большой хитрый ребенок. Каждую минуту сна я притворялся невинным. Десять больших выпивок бултыхались во мне. Истины превращались в эротические кошмары, а я все спал, как бы на зеленом пастбище, как бы ягненок. Вдруг однажды мне приснилось, что я никогда не проснусь, – это прямо мне в ухо свистнул Заратустра: «Блаженны спящие, ибо они скоро выпадут в полный осадок». И тогда мне осталось поверить только в то, что желудок действительно – это отец тоски.

Завершив монолог, Урия возвращается к столику, тычет пальцем в монету, промахивается и роняет голову на руки. Свет в этом месте гаснет.

Освещается столик, за которым Слава Горелик заканчивает свой ужин.

ГОЛОС КАКАШИ

(издалека). Славка, если ты еще жив, освободи меня из этого рабства! Ради юности! Ради всего знакомого до слез!

Горелик, отшвырнув стул, бросается в самую гущу ресторанного сборища. После довольно бестолковой свалки вытаскивает в просцениум почти голую в ее бесценном вечернем платье Какашу.

ГОРЕЛИК

Боже, это она! Какаша моей тоски!

КАКАША

Боже, это он! Горелик души моей!

ГОРЕЛИК

Теперь я понимаю, почему меня так тянуло в это Боа-из-Лис!

КАКАША

(счастливая). Какое еще Боа-из-Лис, сумасброд?

ГОРЕЛИК

Ну, Лиссабон, Лисбоа, то есть Боа-из-Лис!

КАКАША

Ты все такой же, Славка! И обнимаешь так же, так же... безвозвратно!

ГОРЕЛИК

А ты еще краше стала, моя Какаша, любовь моя бессмертная!

КАКАША

Вот это новости – я его любовь бессмертная!

ГОРЕЛИК

Я тебя ждал все эти годы. Тебя носило по заморским странам, как Одиссея, а я тебя ждал, как Пенелопа!

КАКАША

Славка, ты какого-то андрогина сочинил своим отвязанным языком.

ГОРЕЛИК

Андрогина? Да откуда ты такой премудрости набралась, Какашка моя?

КАКАША

Да я университет окончила по славистике.

Стоят, обнявшись, смеются и целуются.

ГОРЕЛИК

Впрочем, мужская Пенелопа, не дождавшись женского Одиссея, сама пустилась в странствия. Я давно шел по твоим следам. Почти перехватил тебя в нью-гемпширской «белоруссии», где наследники империи окопались уже в четвертом поколении. Меня там чуть не убили из-за тебя.

КАКАША

Так это действительно ты устроил скандал в благородном семействе? Слухи о негодяе гуляли по всей Америке. Ты, кажется, убил там кого-то?

ГОРЕЛИК

Я убил там двоих на дуэли. Двух отличных ребят, аристократов. В полном соответствии с их кодексом чести. Целые сутки там заседал совет дворян – решали вопрос, можно ли драться на дуэли с евреем. Прогрессивные силы взяли верх. Никто на меня не в обиде. Дамы даже заинтересовались.

КАКАША

Кого ты там убил, не помнишь?

ГОРЕЛИК

Электрика Жеку, графа Воронцова, и водопроводчика Коляна, князя Оладу.

КАКАША

(потупив глаза). Чутье тебя не обмануло. *(С потушенными глазами она выходит вперед и становится в позицию монолога.)*

МОНОЛОГ ДЕВУШКИ КАКАШИ

Старбол Гватемала много наврал, но немало и правды сказал. К моменту нашего бракосочетания я уже устала быть объектом постоянного вожделения. Дикостью веяло на меня, когда я ощущала, что всякий встречный мужик меня хочет. В детстве вместе с этой дикостью на меня какая-то музыка накатывала, я ничего не понимала, а просто как бы взлетала куда-то, ну а потом-то я уж это так поняла, как ни одна девочка в районе метро «Нарвские ворота», наверное, не понимала.

Чего он от меня хочет, этот встречный любой мужик? Ох, матушки мои, да он не от меня чего-то хочет, а во мне что-то ищет постороннее, в случайно увиденной очаровательной девочке, в самом сокровенном моем месте что-то чужое хочет найти для себя. Любой мужик, и молодой и старый, и чистый и грязный, и интеллигент и хам.

В глазах моих родителей был ужас, когда они перехватывали прилипающие ко мне взгляды мужичья. Да неужели же любой лох жаждет нашу киску свалить, ноги ей растащить и что-то там у нее внутри для себя своей палкой искать, казалось, вопили они.

Славка Горелик, между прочим, был мой первый настоящий муж, хоть я с ним всего одну ночь провела. Только с ним я поняла разницу между ёбарем и мужчиной. Он во мне не для себя искал, а для чего-то другого, может быть, даже возвышенного. Как я счастлива тогда была, когда на следующий день неслась к нему на второе свидание в гребной клуб. А его там уже не было. Пропал с концами, как будто утонул. Никто о нем ничего не знал, хотя он там три месяца сторожем просидел. Потом один гребец с восьмерки отозвал меня в сторону. Ты что, не знаешь? Твоего парня большевики арестовали.

Это уж я потом полностью отвязалась в разнузданном направлении так, что вполне заслужила все эти любезные от козлов наклейки: телка, лоханка, подстилка. Ну, а уж в Америке-то Наташка-Какашка с Нарвских ворот совсем вразнос пошла.

Впрочем, должна сказать, не все уж так однозначно было во время заокеанских приключений – ведь все-таки иногда что-то питерское, что-то гореликовское все ш таки проскальзывало и в Жеке все ш таки графе Воронцове, и в Коляне, князе Олада, недаром все ш таки они на мне вдвоем женились, а потом и погибли из-за меня. Да и старый бонвиван барон Фэймос был ведь поэтом любви все ш таки. А уж что говорить об этом сумасшедшем Абрашке Шумейкере, который ради меня стал звездой профессионального баскетбола в шестьдесят лет и которому я все ш таки столько гусят родила. Даже в этом циклопе с «пылающего континента» что-то было. При всей низости убеждений он воспарял в любви, а возраст только прибавлял ему взлетной тяги. Тягучее старичье, между нами, прям-таки создано для нас, девушек.

Славка, не отходи от меня, все время трогай! Знаешь, я вообще-то не знаю, родилась ли я на свет Божий. Если ты опять свалишь, я не пойму тогда, зачем были все эти горести, ревности, стыды, ярости. Ведь только с тобой у меня «шестое» просыпается. Что шестое, не понимаешь? Гумилева забыл, балда?

*Крупными шагами в просцениум выходит **Ильич Гватемала**. Тащит за пуговицу **Ст. Официанта**.*

ГВАТЕМАЛА

(громогласно). Экое свинство! Что за бардак! Это ресторан или бардак?

Ст. ОФИЦИАНТ

(защищает свою пуговицу как символ достоинства). Руки прочь, красный узурпатор!

ГВАТЕМАЛА

Не успеешь завязать беседу с единомышленниками, как у тебя уведут законную жену!

Ст. ОФИЦИАНТ

Руки прочь, или мои поварята возьмут тебя в ножи! *(Вдруг перехватывает инициативу, и теперь уже он держит обидчика за брючный ремень.)* Не знаю, откуда ты взялся, но уж явно не из сословия сеньоров! Говори, кто таков!

ГВАТЕМАЛА

Я писатель Ильич Гватемала, черт бы вас всех побрал! Руки прочь, прислужник реакции, или весь ваш бардак взлетит на воздух! Я автор двенадцати романов циклопического реализма! Я возглавлял революции и шесть раз был расстрелян! Никто не помешает мне вернуть мою законную супругу!

ГОРЕЛИК

(не выпуская девушку из объятий). Никто, кроме меня!

КАКАША

(весело). Ну вот, опять дуэль!

ГОРЕЛИК

Ну нет, руку на писателя, тем более усопшего, не подниму, даже если он красная сволочь. В мире есть и другие способы перехвата женщин. *(Гватемале.)* Можешь забирать этот мешок, циклоп, в обмен на жену!

ГВАТЕМАЛА

(берет мешок с долларами). Сколько там?

ГОРЕЛИК

Дюжина.

ГВАТЕМАЛА

Чего дюжина?

ГОРЕЛИК

Чего, чего – ясно, что не романов... Откроешь – увидишь, деревенщина! А нет – так пинка в жопу и к барьеру!

ГВАТЕМАЛА

(с горечью). Эх, Какаша, продаешься за деньги, да? *(С гневом.)* Эх, гады, как великий СССР продали, так и бабу покупают! *(Уходит с мешком на плече.)*

Какаша и Горелик опускаются на пол. Вся сцена снова погружается в сумрак, сквозь пелену которого видны в глубине фигуры участников драмы. Влюбленные лежат в пятне яркого света. Каждое их движение вызывает усиленный киароскуро. Их диалог прерывается паузами, сорванным дыханием, эротическим подвизгиванием.

КАКАША

Ну, я больше уже не могу, Славка, ну, давай!

ГОРЕЛИК

Зрители тебя не смущают?

КАКАША

Пусть сами смущаются, раз в театр пришли. Дай-ка я тебя возьму! Вот так! И давай, давай, давай!

ГОРЕЛИК

Я и впрямь становлюсь плененной Пенелопой, а ты Одиссеем-освободителем. Впрочем, это уже не важно. В такой любви, как у нас, теряются различия пола. Мое становится твоим, твое – моим. Не об этом ли писал Ницше?

КАКАША

Именно об этом. Вздвигается страсть к «переоценке ценностей». Переплетаясь, мы строим мост в идеал.

ГОРЕЛИК

Это кто говорит, я или ты?

КАКАША

Это говорит Заратустра. В идеале мы вдвоем сотворим надчеловека, это будет надчеловек любви, а не супермен убийства. Не нам ли выпало на долю выжать священный сок хаомы?

ГОРЕЛИК

Вал, вал, вал! Ико, ига, ига!

КАКАША

Вобюл, вобюл, вобюл! Оки, оки, оки!

ОБА

(в экстазе). Ч-и-и-и-и-и-и-и-ч!

Испустив этот вопль, они лежат некоторое время неподвижно и молча. Потом закуривают.

ГОРЕЛИК

Где ты набралась таких премудростей?

КАКАША

В Северо-Западном университете.

ГОРЕЛИК

Если впасть в хронологию, родная, окажется, что ты прожила без меня безобразно долгий кусок жизни. Но мы в нее не впадем. Проживем и без хронологии. И тогда окажется, что мы просто продолжаем ту нашу единственную ночь на Елагином острове. Ты помнишь тот гребной клуб, где я тогда сторожем работал? Это была ночь фантастической гребли, как будто сами отцы-демиурги Хнум и Птах сидели рядом. Мы бросили матрас прямо на мостки и там валялись. Меж досок в воде отражались звезды... крутилась кассета «Аквариума»... три бутылки «Солнцедара» стояли у изголовья... и мы хлебали эту гадость, и гребли, гребли, как будто плыли в центр Вселенной...

КАКАША

Потому что покуривали кое-что.

ГОРЕЛИК

У меня была шмаль из Красноводска.

КАКАША

Ох, сладкая была эта красноводская шмаль. Ты меня тогда просто затрахал, Славка. А ведь я считалась чемпионкой в «системе»... Славка, а ты помнишь нашу тогдашнюю песенку? *(Поет, Горелик ей подпевает.)*

Ветер принес издалека
Прежней весны уголек,
Вторил там Сашеньке Блоку
Тысячелетний Блок.

Розы, кресты, эвкалипты
Вырастут тут на снегу.
Встретим же Апокалипсис
Стаей гусят на лугу!

Ровно, темно и глубоко
Дрогнули струны мои,
Ветер принес издалека
Дюжину старых «Аи»...
Ровно, темно и глубоко,
Можно сказать, глубоко...

Ветер принес издалека
Дюжину нежных «Клико»...

Ровно, темно и глубоко,
Милый наш брат Александр,
Ветер принес издалека
Ящик крепленных «Массандр»...

ГОРЕЛИК

Ты бы знала, сколько раз я эту ночь в памяти прокручивал!

КАКАША

Я знаю. Ровно столько же раз, сколько и я эту ночь в памяти прокручивала. Иногда осточертеет все на свете, заберешься куда-нибудь в темноту и вспоминаешь, как с тем Славкой Гореликом, простым советским заключенным, греблась в гребном клубе.

ГОРЕЛИК

У нас с тобой, наверное, это одновременно случалось. Учитывая разницу во времени между Россией и Америкой, если у меня, скажем, в полночь, то у тебя в четыре часа прошлого дня, а если у тебя в полночь, то у меня в восемь утра дня будущего. Это тебе понятно?

КАКАША

Да, теперь-то я понимаю, в чем было дело. Иногда в классе или с мужем каким-нибудь на дивпприеме как подхватит, едва успеваю проскочить в туалетку. И вспоминаю, как тебя в первый раз увидела с двумя веслами на плече на фоне нашего меланхолического балтийского заката. Что за кадр, я подумала и тут же узнала: да ведь это же Славка Горелик из подполья! Все девки ахнули, но я так посмотрела, что они сразу поняли – мой кадр!

ГОРЕЛИК

Значит, дала бы и без шмали?

КАКАША

Ну, конечно, дала бы и без всего.

ГОРЕЛИК

А я, признаться, попался на курьезе, как сказал бы мой дед. Как это так – самая красивая девчонка откликается на Какашу? Откуда это взялось, неужели от дурацкой рифмы Наташа-Какаша?

КАКАША

Ну, не так-то просто. У меня в подростковом возрасте стало проявляться анальное беспокойство. Особенно во время траханья. При тебе этого, к счастью, не случилось, а вот некоторые кобельки несказанно удивлялись, когда из шикарной телки выскакивали пахучие кусочки. Потом, уже в Америке, один профессор излечил меня от этого дела психоанализом.

ГОРЕЛИК

Расскажи мне об этом, любимая.

КАКАША

Да там я одного такого Абрашку встретила Шумейкера. Он и сам-то был вполне сумасшедшим, но меня вылечил. Докопался до детского стресса, когда меня трехлетнюю с соседкой оставляли, а та мне в попку палец совала. Я так была этому Эйбу благодарна, что родила ему целый выводок гусят. Вот так Какаша стала Мамашей.

ГОРЕЛИК

А где же ты детей своих держишь, Наташа-Какаша-Мамаша моя любимая?

КАКАША

Да они все улетели, когда время пришло. Ты же сам это видел, Славка мой родной. Изволь, напомню. Я сидела на пригорке со всем своим выводком. Внизу было озеро, в

нем скользила чета лебедей – Этель и Эланор. За озером из-за леса высовывались стеклянные башки билдингов: коридор высокой технологии этого графства. Над ними заходили на посадку джамбо-джеты. Всем подъем, сказала я своим птенцам. Пора вам учиться летать и плавать. Они побежали вниз к озеру. Иные еще на склоне отрывались от земли и поднимались. Другие плюхались в воду, плыли к середине и там взмывали в потоках брызг. Я плакала от счастья. За близкой рощей тут стала вышагивать вереница гигантских и многоликих холозагоров и олеожаров. Они сияли и смешно приседали на пики елок.

Тут поблизости остановился автобус компании «Питер Пэн», и из него выпрыгнул ты, Славка Горелик. Я хотела перелететь к тебе, однако жировая прослойка, отложившаяся во время высиживания яиц, тянула к земле. Ты, кажется, тоже хотел перелететь ко мне, но тут приблизились холозагоры, ты смешался с ними, и вы все исчезли за горизонтом. Вот как было дело, и, если ты этого не помнишь, тебе надо полечиться.

ГОРЕЛИК

А своему психоаналитику ты этого не рассказывала?

Какаша не успевает ему ответить. В просцениум проходит Ильич Гватемала с сильно похудевшим денежным мешком.

ГВАТЕМАЛА

(Горелику). Слушай, амиго, эта девчонка не стоит и половины твоих миллиардов. Я отсыпал себе сколько полагается, а остальное возвращаю.

ГОРЕЛИК

Значит, мы все сейчас можем дернуть шампанского. Сеньор Де Бритто, дюжину брюты!

Появляется шампанское. Все в просцениуме, включая и официантов, поднимают бокалы.

ГОРЕЛИК

Первый тост – за любовь! Второй – за деньги! Третий – за шампанское!

Все выпивают по три бокала без передышки. После третьего звучит сирена и грубый голос подрядчика со стройки объявляет: «Конец первой смены!»

Занавес

Антракт

БРОДЯЧАЯ ТРУППА, РАЗЫГРАВШАЯ «АВРОРУ», ПРИГЛАСИЛА НА ПРЕМЬЕРУ НЕМАЛО ПОРТУГАЛЬЦЕВ, КОТОРЫЕ ТЕПЕРЬ В АНТРАКТЕ В ПОЛНОМ НЕДОУМЕНИИ СЛИЛИСЬ С МОСКВИЧАМИ. ФОНЕТИЧЕСКИ БЛИЗКИЕ ЯЗЫКИ ОБРАЗОВАЛИ ПОЧТИ НЕРАЗЛИЧИМЫЙ МУРМУР.

В ЭТОЙ ТОЛПЕ ВЫДЕЛЯЛИСЬ ДВА СОГБЕННЫХ КИТАЙЦА. ОНИ НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЛИ ИЛИ ДЕЛАЛИ ВИД, ЧТО НЕ ПОНИМАЮТ, ИЗ ТОГО, ЧТО ГОВОРИЛОСЬ ВОКРУГ. ВДРУГ НЕПОДАЛЕКУ ОТ НИХ ПРОРЕЗАЛСЯ РЕЗКИЙ ГОЛОС ЖИРНОГО МОЛОДОГО БРЮНЕТА. ЧОРСКИНД КОМУ-ТО ГОВОРИЛ:

– ВАКСИНО СОВСЕМ ОТОРВАЛСЯ ОТ РЕАЛЬНОСТИ, НЕ ПРИШЕЛ ДАЖЕ НА СВОЮ ПРЕМЬЕРУ. ДОЖДЕТСЯ ОН ПОЛНОЙ ОБСТРУКЦИИ.

КИТАЙЦЫ ПЕРЕГЛЯНУЛИСЬ И ВЫШЛИ НА БАЛКОН ПОКУРИТЬ. МОСКВА РАСПЫЛАСЬ В ДОЖДЕ. ОГЛЯДЕВШИСЬ И НИКОГО НЕ ЗАМЕТИВ ВОКРУГ, КИТАЙЦЫ РАСПРЯМИЛИСЬ И ОКАЗАЛИСЬ ДОВОЛЬНО ВЫСОКОГО, НУ ЕСЛИ НЕ БАСКЕТБОЛЬНОГО, ТО ЯВНО ВОЛЕЙБОЛЬНОГО РОСТА. У ОДНОГО, ПРАВДА, НЕМНОГО СКРИПЕЛ СУСТАВ, ЗАТО У ДРУГОГО ТИХОНЬКО ГУДЕЛИ ХОРОШО НАТЯНУТЫЕ МЫШЦЫ.

– СТАС, ТЫ ПРАВДА ОТОРВАЛСЯ ОТ РЕАЛЬНОСТИ, – СКАЗАЛ ЭТОТ ПОСЛЕДНИЙ. – ОТКУДА ТЫ ВЗЯЛ ЭТУ ИСТОРИЮ?

– РАЗВЕ НИЧЕГО ПОХОЖЕГО С ТОБОЙ НЕ БЫЛО? – СПРОСИЛ ПЕРВЫЙ.

– НУ ЧТО-ТО БЫЛО ПОХОЖЕЕ, НО НЕ ТО. НУ СКАЖИ, ЧТО ТЕБЯ ТЯНЕТ В ЭТУ ТЕАТРАЛЬЩИНУ, В ЭТО ОТЖИВШЕЕ ЛИЦЕДЕЙСТВО?

– ЕДИНСТВО ВРЕМЕНИ, МЕСТА И ДЕЙСТВИЯ, ВОТ ЧТО МЕНЯ ТЯНЕТ СЮДА.

НА БАЛКОН ВЫШЕЛ ЕЩЕ ОДИН СОГБЕННЫЙ КИТАЕЦ. ЗАМЕТИВ, ЧТО, КРОМЕ ЕДИНОВЕРЦЕВ, ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НИКОГО НЕТ, ОН РАСПРЯМИЛСЯ И ПРЕДСТАЛ ИЗУМИТЕЛЬНОЙ КИТАЯНКОЙ.

– СТАС АПОЛЛИНАРИЕВИЧ, Я ВСЯ ТРЯСУСЬ. ОТКУДА ВЫ ВЗЯЛИ ТАКОГО ВОЛШЕБНОГО ГРОТЕСКНОГО ПЕРСОНАЖА, ИЛЬИЧА ГВАТЕМАЛУ?

– ДА ОН ЗДЕСЬ РАБОТАЕТ НА ВЕШАЛКЕ, МОЯ ДОРОГАЯ. ТАКОВ ТЕАТР.

Акт второй

Перед началом действия мы видим всех участников драмы в тех же местах, где они были, когда упал занавес. Они неподвижны или очень-очень малоподвижны. В принципе сцена должна производить впечатление какой-то не существующей во времени паузы, в которой, словно мухи в паутине, застряли или повисли наши персонажи.

*Активно передвигаются только двое – исчезнувшие было в первом акте **молодые люди в черных майках**. То быстрыми шагами, то на четвереньках они меряют пространство. Иногда как-то неестественно высоко подпрыгивают на манер астронавтов, посетивших Луну (в определенных местах должны быть замаскированы два-три трамплина). Иногда повисают в воздухе (замаскированные кольца или трапеции), чтобы потом снова перейти к быстрым шажкам ищеек. У зрителей должно возникнуть впечатление, что эти двое изучают обстановку: мебель, посуду, еду, расположение фигур, одежду, выражение лиц, газету, упавшую на пол. По ходу дела они обмениваются односложными словами своего «студенческого жаргона»: фти-фти-фти... тиф-тиф-тиф... дыр-дыр-дыр... бул-бул-бул... щил-щил-щил... чииииич!*

Неожиданно оба останавливаются в просцениуме.

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Послушай, мы ведь в театре. Театр, кажется, был здесь первой попыткой объясняться на разноплановом уровне.

2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Тут все так наивно.

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Наивно, значит, мудро, так нас, кажется, учили?

2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Ну, может быть, тут слишком мудрено?

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Ты знаешь, по сравнению с другими уровнями мне почему-то всегда трудно переходить на здешний уровень.

2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Тут царит какое-то странное, отчасти даже умилительное, чувство самодостаточности. Словно они – это центр, и каждый по отдельности – центр в центре.

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Ну хорошо, на данный момент...

2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Вот это тоже. Данный. Момент. Перейти эту грань по-прежнему трудно.

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Раз уж мы здесь, значит, мы в Моменте, в Данном.

2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

(смеется). У нас уже появилось чувство юмора.

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Тут надо еще знать, женщина ты или мужчина.

2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Мы женщина, женатый на женщине, и мужчина, замужняя за мужчиной; так, кажется?

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Мы делаем успехи! *(Оба хохочут.)* Однако им пора начинать второй акт.

Молодые люди в черных майках усаживаются за их прежний столик. Зажигается весь свет. Все приходит в движение. Звучит второй гудок сирены. В глубине открываются

ворота строительной площадки. Из них выходит отработавшая смена в комбинезонах и пластмассовых касках. Взрыв приветствий, аплодисменты.

КЛЕНСИ ФАУСТ

Да здравствуют строительные рабочие! И ремонтники!

ЛОРЕНЦО МГБЕКИ

(вскочив на стул). Протуберанца! Гелиострата! (Размахивает стоцветным флагом радикальной партии.)

ЛЕТИК

Прошу всех к столу, товарищи!

Рабочие, хохоча и базлая неприличности, валяются за столы – большая халява!

Ст. ОФИЦИАНТ

(блажим матом). В прозодежде обслуживаются только в буфете!

РОЗИ ЯГОДА

Какая низость! Какая унижительная стратификация! Товарищи, не верьте, интеллигенция с вами! Рассаживайтесь, где вам удобно!

Ильич Гватемала, Лоренцо Мгбеки и Кленси Фауст наступают на Ст. Официанта с двумя гранеными штыками и буденновской саблей.

ГВАТЕМАЛА

Рассаживай пролетариат, подлец, или тебе крышка!

Ст. ОФИЦИАНТ

(скрестив руки на груди). Сеньоров Лиссабона не напугаешь ржавым!

РАБОЧИЕ

А чо? Чо там, что ли, удобнее? Удобнее там, где наливают. Хули? Не капать же на чистое. Верно, ребята? Давай, наливай хмельного! *(Гватемале.)* Эй, дед, кончай соваться с острозаточенным!

ГВАТЕМАЛА

И это сейчас называется классовой борьбой?! *(Сует шашку в штанину, дает сподвижникам сигнал к временному отступлению.)*

Оба сподвижника, как были со штыками, выходят в просцениум для произнесения монологов.

МОНОЛОГ КЛЕНСИ ФАУСТА

У молодого парня всегда должна быть альтернатива. Я, например, альтернативщик. В тюрьме я не засиживаюсь, всегда ищу альтернативу крытке, то есть простор. Если я белый, я все-таки имею право чувствовать себя как негр. Замкнуто? Вот вопрос социального неравенства, о котором нам уши прожужжали в ячейках. Какого черта? Равенство не дает альтернативы. Если я беден, имею право быть богатым. Если я богат, просираю все до нитки. Вопрос замкнуто?

Альтернатива, товарищи, движет революцию. Если я голоден, нажрусь обязательно! Ежедневное питание с горячими щами, с макаронами по-флотски, с крутыми битками, с компотом, как в лучшие дни ВМС, однако почему-то всегда тянет нажраться вредной водки. Прешь к хорошей бабе в самоволку, а жаждешь какую-то самку волка. Замкнуто? Все это, однако, не означает, что не выполняю приказов командования или призывов партии. Однако альтернатива всегда остается – где? – вот здесь, в задней части башки, то есть в ленинском затылке. Замкнуто? Размыкаю. Я на задании.

МОНОЛОГ ЛОРЕНЦО МГБЕКИ

(произносится с нарастающей злостью)

Стартомоментош, эристинари бранто валиста крепиораши! Кросто фужара жалионари? Фронт накатония юриопрудеш! Стерриоваза хулихунари! Пронто потензия фило морфозош? Нулло! Брожжению фило мерккаро са! Феррокаттория птероиглица кусси? Просесто пле-

нариуш виссиорутта! Аберто энсерадош хорарио фехада! Куанто музео абрэ а конвенто! Эмпуррар эмпрего, эмпрего эскова! О порко апре апортаге? Прима а кунта! А габардина! А хора де понта! Идаде о джого а жувентюдаш? Ассинатура о бенгальеро калькас паладо калькулядора а демораш! Ну во дирейтус эффишио эмбрула? Энгаррофоменто а факка хердада фаз фавор эмпрешшионанте! О, лаватория хойе фургао граиш? Бластро эсклементио инферно жаражжо! Инферно! Инферно! Инферно и бластро! Аржанио сильвирорастиш пур раггиомаггиш?! О блура! Блура! Аффиксыяментош! Стирральтош! Корродиш! О брэя! Треппеттуареш ум паррофьюзош! На фиг!

Закончив свои монологи, оба профессионала задерживаются в просцениуме и внимательно, как будто впервые, смотрят друг на друга.

КЛЕНСИ ФАУСТ

Слушай, Мгбеки, а ведь у меня к тебе привет от товарища Кватунзо. *(Вынимает из кармана что-то круглое, плоское, вроде коробки леденцов.)*

ЛОРЕНЦО МГБЕКИ

Слушай, Фауст, а ведь у меня к тебе привет от товарища Кватунзо. *(Вынимает из кармана что-то круглое, плоское, в виде коробки леденцов.)*

Обмениваются приветами и удаляются в глубь сцены. Над общим столом к этому времени воздвигается Мак-Честный, совсем уже бухой и слабый.

МАК-ЧЕСТНЫЙ

Товарищи ремонтники и строительные рабочие, фрезеровщики и молотобойцы, монтажники и кочегары, поднимем бокалы за музы, за гений, фу-ты, заговариваюсь. Поднимем бокалы за смычку теории и практики! *(Выпивает, приободряется, поднимает в левой ладони крупное эскудо, безошибочно тычет в него правым указательным пальцем.)* Вот так, товарищи, вот так! Практика, вооруженная теорией, непобедима! А теперь перед вами выступит гордость движения, знаменитый писатель циклопического реализма Ильич Сталин Гватемала!

ГВАТЕМАЛА

Товарищи, не верьте, что перед нами закат! Повернитесь к нему задницей и дождетесь восхода! Я привез вам приветы от наших больших друзей – от Куделя Фастро, Куамара Мудаффи, Минженжени, Кимсульсуна, Половинного-Пота, Молсона Куделло, аятоллы Мухтахара, Хусама Фусейна, Цитрона Лукаморченко, Рудая Шамяля и других борцов! Нас много, а будет еще больше! Да здравствует Больше! Да сдохнет Меньше!

РАБОЧИЕ

Ур-а-а-а! Да здравствует Больше! Маленькими не надо! Давай большими!

Мгбеки и Фауст выволакивают в середину университетский лектерн. Профессор Летик раскладывает на нем свой пухлый текст, водружает на нос очки. За ней то на четвереньках, то на животике ползет Роза Ягода.

РОЗИ ЯГОДА

(хнычет). Марточка, любименькая, купи мне ленточки, купи лошадку-дадалку!¹⁸ *(Пристраивается у ног Летик.)*

ЛЕТИК

Дорогие товарищи, как хорошо у нас все получилось, импровизу в стиле баррикад! Вы, усталые и запыленные, выходите со стройплощадки, и мы, тоже усталые и запыленные от соседства с вами, видим ваши исторически просветленные лица! Вместе с вами за дружеским столом мы продолжим наши диалоги о грядущем! *(Роза Ягоде, шепотом.)* Перестань пресмыкаться, бессовестная! *(Громогласно.)* Но прежде мы поднимем тост за ГРЯДУЩЕЕ!

¹⁸ Отсюда «дадаизм».

(Делает паузу, смотрит вокруг в поисках Мак-Честного, стучит кулаком по лектерну.) За прекрасное и грозное ГРЯДУЩЕЕ! О, ГРЯДУЩЕЕ!

Мак-Честный в своем углу едва ли не конвульсирует от слова «грядущее». Делает вид, что не может найти за пазухой детонатор. Срывается с места и бежит к столу Горелика, за которым тот по-прежнему милуется со своей зазновой и потягивает шампанское.

МАК-ЧЕСТНЫЙ

Товарищи, у нас там смычка с рабочим классом. Почему бы вам не присоединиться к компании?

ГОРЕЛИК

Козлы тебе товарищи, товарищ! У меня к этому слову аллергия.

КАКАША

У нас совсем другая смычка на уме, молодой человек.

МАК-ЧЕСТНЫЙ

(в отчаянии). Да ведь вы же известный ученый, вас многие знают в лицо, вы полемизировали в Шантьере! Ну, что вы торчите здесь, в этом псевдоаристократическом секторе? Расселся тут словно... словно Раджив Ганди какой-то! Приклеили вас, что ли, к этому столу?

ЛЕТИК

Никому не уйти от ГРЯДУЩЕГО! Ни одному живому существу не уйти от ГРЯДУЩЕГО! Отвергая ГРЯДУЩЕЕ, отвергают жизнь!

МАК-ЧЕСТНЫЙ

(трясая всеми членами, пытается оттащить Горелика и Какашу от их столика). Ну давайте хоть потанцуем, ребята! Ну давайте, так вашу, станцуем сиртаки вон там, подальше от вашего столика, где места больше. Музыканты, сиртаки! Давайте, руки друг другу на плечи, девушку в середину! Хоппа! Хоппа!

Хохоча от этого психа, Горелик и Какаша танцуют сиртаки, да так заразительно, что вся веранда пускается в пляс. В толпе Лоренцо Мгбеки и Кленси Фауст по очереди подтанцовывают к пустому столику и закрепляют под скатертью свое круглое и плоское, полученное от товарища Кватунзо.

КАКАША

(Мак-Честному). Да ну вас, папаша, вы мне все ноги отдавили! *(Возвращается к столику, Горелик за ней.)*

Мак-Честный падает, сучит ногами. Летик обескураженно покидает трибуну. Роза Ягода цепляется за нее.

РОЗИ ЯГОДА

(жарким шепотом). Он никогда этого не сделает! Марта, родная, отбери у него прибор!

ЛЕТИК

А ты откуда про это знаешь, прыщавка?

РОЗИ ЯГОДА

Марта, любимая, мы так с тобой сроднились, я угадываю твои мысли на расстоянии. Поверь, Урия уже сгнил, он никогда не сможет ничего взорвать даже ради нашего дела, ради социологии, ради тебя, моя Марта непревзойденная!

ЛЕТИК

Кто же это сделает ради социологии, ради моего фундаментального труда, ради ГРЯДУЩЕГО?

РОЗИ ЯГОДА

Я! (Выходит вперед и становится в позицию монолога.)

МОНОЛОГ РОЗИ ЯГОДЫ

Мон маман э ма папан думали, что я родилась в худшем случае балериной, но вообще-то парящей Сильфидой. Тренеры говорили, что я гений своего рода. Моя папа и мой мама, затаив дыхание, следили за моими выступлениями на льду. Им казалось, что я вот-вот взлечу под музыку Феликса Мендельсона.

Все как-то иначе получилось. В пубертатном периоде у меня появилась склонность к быстрым скользящим движениям в положении лежа – иными словами, к экзерсисам ящерицы. Родители не смогли оценить этой своеобразной эстетики и полностью от меня отказались, черт с ними. Иное родное и сильное существо появилось в моей жизни – профессор Марта Арвидовна Летик. С нею я надеюсь проползти любое расстояние, и ни один заклинатель, клянусь, меня не зачарует! *(Стремительно ускользает в глубь сцены.)*

На веранде между тем восстанавливается ресторанный рутин. Мл. Официант подходит к столику молодых людей в черном.

Мл. ОФИЦИАНТ

Чего изволите?

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Пивка тащи!

2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Того, что там, возле забора пьют. Бочкового! Прессиона!

Тем временем Ст. Официант заново накрывает стол Горелика, ставит ведерки с шампанским.

Ст. ОФИЦИАНТ

(не без торжества). Ну, видите, сеньор Гоурелли, я был прав: ребята-то эти в черном вернулись.

ГОРЕЛИК

Признаться, не ожидал. Может, они не студенты?

Ст. ОФИЦИАНТ

Прежде всего они джентльмены.

Горелик, слегка покачиваясь, направляется к молодым людям.

ГОРЕЛИК

Фот-фот-фот, тоф-тоф-тоф! Чииииич? Чииииич?

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Нам тоже очень приятно.

ГОРЕЛИК

У меня сегодня большой праздник, я освободил из рабства свою любимую!

2-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Мы знаем.

ГОРЕЛИК

Откуда вы знаете? Может, я просто телку снял?

1-й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.